

ПИТЕР ДЖЕЙМС

УМРИ ЗАВТРА

ТЫ ОТНИМЕШЬ ЧУЖУЮ ЖИЗНЬ,
ДАЖЕ НЕ ПОДОЗРЕВАЯ ОБ ЭТОМ...

В мире продано более **19 миллионов** экземпляров
романов о Рое Грейсе

ГРАНД МАСТЕР

Детектив Рой Грейс

Питер Джеймс

Умри завтра

«ЭКСМО»

2009

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Джеймс П.

Умри завтра / П. Джеймс — «Эксмо», 2009 — (Детектив Рой Грейс)

ISBN 978-5-04-098575-3

Питер Джеймс – создатель всемирно признанной серии романов о суперинтенданте Рое Грейсе, автор множества бестселлеров, популярных по обе стороны Атлантики, лауреат ряда литературных премий. Его книги были переведены на 37 языков и разошлись по всему миру тиражом более 19 миллионов экземпляров. Приморский Брайтон не удивишь трупом, выловленным из воды. Такое здесь случается постоянно. Но этот случай особенный: юноша, не значащийся ни в одной базе данных, лишен всех жизненно важных органов – причем явно профессиональной рукой. И не он один. Вскоре в том же месте подняты со дна другие тела, точно так же выпотрошенные и утопленные при помощи груза из шлакоблоков. Кто-то явно решил превратить Ла-Манш в кладбище для своих жертв, подростков, изуродованных и убитых непонятно ради чего. Дело поручено Рою Грейсу и его великолепной команде из пяти опытейших детективов... «Питер Джеймс – один из лучших британских авторов в остросюжетном жанре». Ли Чайлд «Джеймс – из когорты дьявольски одаренных сочинителей триллеров». Daily Mail

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-098575-3

© Джеймс П., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

59

Питер Джеймс

Умри завтра

Peter James

Dead Tomorrow

Copyright © Really Scary Books / Peter James 2009. Roy Grace®, Grace®, DS Grace®, DI Grace® and Detective Superintendent Grace® are registered trademarks of Really Scary Books Limited.

© Перевод. ООО «Центрполиграф», 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

***

Бесспорный литературный талант и ответственность перед читателями ставят Питера Джеймса в один ряд с современными классиками жанра – Элизабет Джордж, Джоном Гришэмом и Дэвидом Болдаччи. Писателя отличает потрясающее знание приемов криминалистики, которое оказалось востребованным английской полицией: Питер Джеймс является ее консультантом и, по собственному признанию, маньяков и убийц видит чаще, чем честных граждан.

***

Писатель одинаково хорошо управляет и с неожиданными детективными поворотами, и с психологическими.

Sunday Express

За 34 года своей работы в полиции я никогда не сталкивался с автором, который так детально и точно описывал бы наше дело.

Детектив-следователь Пэт Лэнган, полицейское управление Нью-Йорка

***

*С глубоким почтением
посвящается памяти
Фреда Ньюмена*

1

Сьюзен ненавидит этот мотоцикл. Постоянно твердит о смертельной опасности – якобы ничего нет хуже гонок на мотоциклах. А Нат с большим удовольствием снова и снова ука-

зывает, раздражая ее, что она фактически допускает статистическую ошибку. Опасней всего кухни. Вероятность погибнуть там больше всего.

Как врач реанимационного отделения он ежедневно в том убеждается. Бывают, конечно, тяжелые мотоциклетные аварии, только нет никакого сравнения с несчастными случаями на кухнях.

Ткнув вилкой в кусок хлеба в тостере, люди гибнут от электрошока; падая с кухонной табуретки, ломают шею; подавившись, задыхаются насмерть; умирают от пищевого отравления... Нат особенно любит рассказывать о пострадавшей, доставленной в Королевскую больницу графства Сассекс, где он работает – или скорее, по его выражению, *ишачит*, – которая полезла прочистить засорившуюся посудомоечную машину и напоролась глазом на нож.

Мотоциклы вовсе не опасны, даже его красная зверюга «Хонда Файерблейд», способная за три секунды разогнаться до шестидесяти миль в час, о чем он постоянно напоминает. Проблему представляют только другие водители на дороге. Но за ними просто надо бдительно следить, вот и все. Кроме того, «Файерблейд» выбрасывает гораздо меньше проклятых выхлопных газов, чем допотопная «Ауди» Сьюзен.

Но Сьюзен пропускает все его доводы мимо ушей.

Не обращает внимания и на его вечные стоны по поводу необходимости проводить Рождество – до которого остается всего пять недель – с ее неукротимыми, по его убеждению, и необузданными родителями. Покойная мать старательно внушала Нату, что выбирают друзей, но не родственников. Совершенно верно, черт побери.

Он где-то вычитал, будто мужчина ждет, что после свадьбы жена не изменится, а женщина первым делом старается переделать мужа.

В этом Сьюзен Купер вполне преуспела, используя самое смертоубийственное орудие женского арсенала – шестимесячную беременность. Нат, конечно, гордится до чертиков, но с глубоким отчаянием понимает, что отныне придется жить реальной жизнью. Сменить «Файерблейд» на более практичное транспортное средство. На какую-нибудь легковушку-универсал или микроавтобус. Или на дизельно-электрический гибрид, который удовлетворил бы социальные и светские претензии Сьюзен. Господи помилуй!

Что за радость в подобной езде?

Вернувшись домой лишь под утро, он, зевая, сидел в маленьком коттедже в Родмелле, в десяти милях от Брайтона, глядя в утренних новостях на смертоносные бомбежки Афганистана. На экране 8:11, на наручных часах 8:09, а в сознании глухая ночь.

Отправил в рот ложку воздушных пшеничных хлопьев, запил апельсиновым соком и черным кофе, побежал наверх, поцеловал Сьюзен, похлопал на прощание по вздувшемуся животу.

– Езди осторожно, – предупредила она.

«Думаешь, я неосторожно езжу?» – мысленно хмыкнул он и сказал вместо этого:

– Люблю тебя.

– Я тоже. Звони.

Нат снова поцеловал жену, спустился, надел шлем и кожаные перчатки, вышел в морозное утро, вывел из гаража тяжелую красную машину, звучно захлопнул за собой дверь. Хотя земля примерзла, дождя давно не было и дороги не покрыла коварная черная наледь. Рассвет едва брезжил.

Он взглянул вверх на занавешенное окно спальни и в последний раз в жизни нажал кнопку стартера любимого мотоцикла.

2

Линн Беккет позвонила в подъезде медицинского кабинета, ясно осознавая, что доктор Росс Хантер – одна из немногочисленных постоянных величин в ее жизни. Фактически, если честно сказать, трудно припомнить что-нибудь другое столь же постоянное. За исключением *неудач*. Беды определенно преследуют. Она всегда умела совершать ошибки. Поистине блистательно. Запросто может угробить всю Англию.

Если описывать жизнь в двух словах, то получится череда катастроф протяженностью в тридцать семь лет, начавшихся с мелочей вроде отсеченного дверцей машины кончика указательного пальца в семилетнем возрасте и неуклонно с тех пор усложнявшихся. Сначала Линн не оправдала ожиданий родителей, потом мужа, теперь в качестве матери-одиночки искусно обманывает ожидания дочери.

Приемная доктора Хантера располагалась в большой эдвардианской вилле на тихой Хоув-стрит, которая некогда вся была жилой. Множество великолепных домов рядовой застройки давно снесены, вместо них выросли блочные многоквартирные ульи, а в уцелевших зданиях разместились конторы, врачебные кабинеты.

Линн вошла в знакомый вестибюль с запахом политуры со слабой примесью антисептиков, увидела в дальнем конце за столом секретаршу, которая разговаривала по телефону, и прошмыгнула в комнату ожидания.

За пятнадцать с лишним лет в просторной, но сумрачной комнате ничего не изменилось. На столике лежит свежий номер «Таймс», но в таком состоянии на газете не сосредоточишься. После вчерашнего звонка секретарши доктора Хантера с просьбой явиться утром пораньше Линн даже глаз не сомкнула. Потом ее затрясло от резко упавшего сахара в крови. Лекарство она приняла, но за завтраком с невероятным усилием проглотила лишь ложку.

Усевшись на краешке жесткого стула с прямой спинкой, Линн полезла в сумочку, нашла пару таблеток глюкозы, сунула в рот. Зачем доктор Хантер ее срочно вызвал? Из-за результатов анализа крови, сделанного на прошлой неделе, или – скорее всего – из-за Кейтлин? В прежних пугающих случаях, когда она, например, обнаружила у себя на груди уплотнение или с ужасом увидела в безобразном поведении дочери признаки мозговой опухоли, он звонил сам, сообщая хорошие новости о биопсии, сканировании, анализах, – нечего беспокоиться. Словно можно когда-нибудь *не беспокоиться* насчет Кейтлин.

Когда дочке исполнилось девять, у нее впервые обнаружили заболевание печени. С тех пор они обе как будто находятся в длинном темном туннеле. Бесконечные визиты к специалистам. Анализы. Короткие периоды в больнице здесь, в Сассексе, и более долгие – один почти на год – в специализированном печеночном отделении Королевской больницы Южного Лондона. Операции по имплантации эндопротезов в желчные протоки. Операции по их удалению. Бесчисленные переливания крови. Кейтлин так обессилела от болезни, что регулярно засыпала в классе. Не смогла играть на любимом саксофоне, когда ей стало трудно дышать. В подростковом возрасте начала озлобляться, проявлять непослушание, и чем дальше, тем больше. Постоянно требует объяснения – *почему я?*..

Линн не может ответить на этот вопрос.

Уже не сосчитать, сколько раз она сидела в ужасе в отделении «Скорой помощи» Королевской больницы графства Сассекс, пока медики занимались ее дочерью. В тринадцать лет та стащила из домашнего бара бутылку водки, после чего пришлось промывать желудок. В четырнадцать свалилась с крыши, накурившись гашиша. В другой раз явилась в спальню матери в два часа ночи с остекленевшими глазами, обливаясь потом и стуча в ознобе зубами. Сообщила, что какой-то подонок в Брайтоне дал ей таблетку экстази и у нее болит голова.

Доктор Хантер всякий раз приезжал в больницу, сидел с Кейтлин, пока не убеждался, что опасность миновала. Это не входит в его обязанности, да такой уж он человек.

Дверь открылась, он вышел – высокий, элегантный, в костюме в тонкую полоску, с прекрасной осанкой. Приятное лицо обрамляют волнистые волосы цвета перца с солью, ласковые заботливые зеленые глаза частично прячутся за стеклами очков в форме полумесяца.

– Линн! – сказал он. Его обычно сильный звонкий голос прозвучал нынче утром непривычно глухо. – Зайдите.

У Росса Хантера две резко различные манеры приветствовать пациентов. За все годы Линн видела только теплую искреннюю улыбку, которая говорит: *рад снова вас видеть*. Прежде на его лице никогда не было тоскливой гримасы с прикушенной нижней губой, которую он ненавидит и держит в чулане.

Сегодня она вышла на свет.

3

Констебль Тони Омотосо пригнулся за машиной с лазерным радаром, положенным для удобства на крышу, и нацеливал красную точку на передние номерные знаки автомобилей, заподозренных в превышении скорости. Засек табличку «Тойоты». На датчике сорок четыре мили. Водитель, заметив инспекторов, притормозил. Строгая инструкция допускает превышение лимита на десять процентов. «Тойота» проехала, сияя задними огнями. Белый фургон «Транзит» – сорок три мили. Черный мотоцикл «Харлей» перекрыл предел в разы, но Тони не успел поймать его вовремя. Слева от него ежился на холоде коллега из дорожной полиции констебль Йен Аппертон, длинный, тощий, в фуражке и желтой куртке, издали бросающейся в глаза, готовый по сигналу немедленно сорваться с места. Оба замерзали.

Аппертон посмотрел вслед «Харлею». Он обожает мотоциклы любой марки, сам мечтает сесть на полицейский мотоцикл. Впрочем, «Харлей» для прогулок. Истинная его страсть – высокоскоростные гоночные машины вроде ««БМВ»», «Судзуки», «Хонды Файерблейд», которые на поворотах надо класть на бок, а не просто вертеть ручки, как обыкновенное рулевое колесо.

Заметивший их водитель красного «Дукати» почти ползет. А субъект за рулем битой зеленой «Фиесты» явно проглядел полицейских.

– «Фиеста»! – крикнул Тони. – Пятьдесят две!

Констебль Аппертон выскочил, подал знак остановиться. Хозяин «Фиесты» то ли нечаянно, то ли сознательно промчался мимо.

– Ладно, поехали. – Он повторил по буквам прочитанный номер W 432 CPN и прыгнул за руль.

– Сукины дети!

– Говенные задницы!

– Почему не ловите настоящих преступников?

– Вот именно. Чем за лихачами гоняться, мать вашу.

Тони Омотосо оглянулся на двух горланивших юнцов, лениво шагавших мимо.

«Потому, – ответил бы он, – что на дорогах Англии каждый год гибнет три с половиной тысячи человек по сравнению с пятью сотнями от насильственной смерти. Потому что мы с Йеном каждый день недели, будь он проклят, подбираем на дороге мертвых и искалеченных такими сволочами, как вот этот водитель «Фиесты».

Но отвечать некогда. Коллега уже забросил на крышу синюю мигалку, включил сирену. Тони положил на заднее сиденье лазерный радар, сел спереди, захлопнул дверцу и еще не успел защелкнуть ремень безопасности, как Аппертон до отказа выжал акселератор.

Рывок отозвался в желудке, адреналин вскипел, спина вжалась в кресло. Одна из прелестей службы в дорожной полиции. Укрепленный на приборной доске монитор автоматического определителя номеров с писком выдал информацию о «Фиесте». Пошлины не уплачены, страховки нет, машина зарегистрирована на водителя, лишённого прав.

Аппертон вильнул на другую полосу, быстро догоняя правонарушителя.

Тут затрещала рация.

– Отель-танго-четыре-два?

– Да-да, слушаю, – подтвердил Омотосо.

– Получено сообщение о серьезном столкновении на дороге, – объявил диспетчер. – Мотоцикл и легковая машина на пересечении Колдин-Лейн с Дитчингруд. Можете подъехать?

«Проклятье», – мысленно выругался Тони, не желая упускать «Фиесту».

– Да, – сказал он, – нам по дороге. Сообщите брайтонским патрулям: «Форд Фиеста» зеленого цвета, номер дабл-ю четыре-три-два серна-папа-ноябрь, движется к югу по Льюисруд на большой скорости. Есть подозрение, что водитель лишён прав.

Приказывать напарнику разворачиваться не пришлось. Аппертон уже резко затормозил, сверкнул правым поворотником, отыскивая щелку во встречном потоке машин.

4

Мэл – Малькольм Беккет – почуял приближавшийся запах моря, когда его тридцатилетний синий автомобиль остановился у светофора на съезде с автомагистрали. Похоже, океанская соль, как наркотик, течет в его венах – ее надо нюхнуть после каждого перерыва. После вступления в Королевский флот в качестве инженера-стажера его жизнь отдана морю. Десять лет в военно-морском флоте, потом двадцать один год в торговом.

Он любит Брайтон, где родился и вырос, за его близость к морю, но особенно счастлив, когда ступает на борт судна. Сегодня кончается трехнедельный отпуск на берегу, начинаются три недели в море на драге¹ «Арко Ди», где он служит главным инженером. Не так давно, с грустью подумал Мэл, он был самым юным главным инженером во всем торговом флоте, а теперь, в сорок семь, стремительно превращается в ветерана, старого морского волка.

Точно так же, как на любимом судне, ему знакома каждая заклепка, каждый болт и гайка в машине, которую он разбирал и опять собирал незапамятное множество раз. Любовно прислушиваясь к ленивому урчанию мотора, Мэл как будто расслышал легкое постукивание. Надо будет проверить клапаны.

– Все в порядке? – спросила Джейн.

– А? Да. Абсолютно.

Выдалось прекрасное утро. Ослепительно-голубое небо, ни ветерка, море тихое, как мельничная запруда. После поздних осенних штормов, изрядно подпортивших последние дни на борту в прошлый раз, погода утихомирилась, по крайней мере на сегодня.

– Будешь по мне скучать?

Он обнял ее за плечи, стиснул.

– Безумно.

– Врун!

Мэл поцеловал ее.

– Скучаю каждую секунду в разлуке.

– Чушь собачья!

Он опять ее чмокнул.

---

¹ В данном контексте: судно или плавучая платформа, несущая грунтовой насос.

Загорелся зеленый, она вывернулась из объятий, включила первую передачу и быстро поехала вниз.

– Действительно, очень трудно соперничать с судном.

Он ухмыльнулся.

– Нынче утром мы потрясающе трахнулись.

– Хорошо бы продолжить.

– Обязательно.

Повернули налево, обогнули с дальнего конца Хоувскую лагуну – два искусственных озера, где люди катаются на лодках, обучаются виндсерфингу, пускают модели кораблей. Дальше к восточной стороне гавани примыкает жилая улица с белыми домами в мавританском стиле с видом на море, принадлежащими богатым знаменитостям, включая Хизер Миллс².

Соль в воздухе стала еще ощутимее, к ней примешались сернистые испарения, запахи нефти, канатов, смолы, краски, угля.

Шорэмская гавань на западной окраине Брайтона и Хоува представляет собой бухту длинной в милю, огороженную с обеих сторон складами пиломатериалов, пакгаузами, заправочными станциями, хранилищами разнообразных механизмов, наряду с причалами для яхт и россыпью частных и многоквартирных домов. Некогда здесь был оживленный торговый порт, но с увеличением габаритов контейнеровозов, ставших слишком крупными для бухты, гавань приобрела иной характер.

В нее по-прежнему постоянно заходят танкеры, грузовые, рыбацкие суда, но чаще всего коммерческие драги, которые добывают с морского дна песок и гравий для строительной индустрии.

– Что будешь делать в следующие три недели? – спросил Мэл.

Доверие к оставленным на берегу женам – вечная проблема моряков. Когда Мэл пришел в Королевский военно-морской флот, его просветили, что, как только мужа отправляются исполнять служебный долг, некоторые жены выставляют в переднем окне пачку стирального порошка ОМО, что означает Old Man Overseas³.

– Репетировать с Джеммой рождественскую пьесу, которую ты как раз не увидишь. И у Эми каникулы на две недели. Заставлю ее в доме прибраться.

Эми – одиннадцатилетняя дочка Джейн от первого брака. Мэл отлично с ней ладит, хотя между ними все время стоит нечто вроде невидимого барьера. С Джеммой, их совместной шестилетней дочерью, они гораздо ближе. Эта замечательная маленькая особа беспредельно любящая и сообразительная. Полная противоположность странной и непонятной, отчужденной больной дочери от первой жены, которую он любит, но, невзирая на все усилия, не чувствует настоящей привязанности. Жалко, что не удастся увидеть, как Джемма изображает Деву Марию, хотя Мэл давно привык чем-то жертвовать ради избранной профессии. Подобные жертвы стали одной из главных причин развода с первой женой и поводом для постоянных раздумий о верности.

Какая разница между двумя женщинами!

Джейн – психотерапевт, специалист по фобиям – сразу же объявила, что ценит свою независимость и охотно воспользуется трехнедельной свободой, а он, возвращаясь домой, будет любить ее еще сильнее.

Линн – служащая агентства по взысканию долгов – без конца в нем нуждалась. Слишком сильно нуждалась. Одно дело быть желанным и любимым, но быть *жизненно необходимым* женщине – совсем другое. Именно эта критическая потребность в конце концов их развела. Он

---

² Хизер Энн Миллс (р. 1968) – бывшая жена Пола Маккартни.

³ Старик за морем (англ.).

надеялся – собственно, они оба надеялись, – что ситуация переменится с рождением ребенка. Но этого не случилось.

Фактически стало лишь хуже.

Вспыхнули тормозные огни, машина замедлила ход, пропуская нагруженный досками грузовик, прогремевший мимо, повернула направо в открытые ворота «Солент эгригит» и встала перед будкой охраны.

Мэл вылез, в белой робе и морских резиновых сапогах, откинул задний борт, вытащил большую мягкую сумку, надел защитный шлем-каска. Наклонился к окну, долго и крепко поцеловал на прощание Джейн. За семь лет совместной жизни взаимная страсть не угасла – один из плюсов регулярных разлук на три недели.

– Люблю тебя очень, – шепнул он.

– А я еще больше, – шепнула она в ответ и снова поцеловала его.

Мэл – высокий, гибкий, сильный, симпатичный мужчина с честным открытым лицом, короткими рдеющими светлыми волосами – принадлежал к тому типу людей, которые с первого взгляда завоевывают симпатию и уважение окружающих. Такой ничего не держит под спудом – что видишь, то и имеешь.

Войдя в будку, расписавшись в регистрационной книге, обменявшись любезностями с охранниками, он погрузился в другие заботы. Двигатель на правом борту «Арко Ди» почти отработал двадцать тысяч часов, приближаясь к установленному компанией пределу. Надо рассчитать оптимальный момент для замены. Сухие доки закроются на приближающиеся рождественские праздники, но владельцев «Арко Ди» не интересуют каникулы. Если бы Мэл потратил на судно девятнадцать миллионов фунтов стерлингов, его, может быть, тоже не интересовали бы. Хозяевам надо, чтобы драга работала круглый год с минимальным простоем.

Лениво шагая по пристани к черному корпусу драги с оранжевой надстройкой, он блаженно не ведал о том, что их ждет в этом рейсе, до начала которого оставалось всего два часа, и о губительных последствиях будущей находки для его собственной жизни.

5

Росс Хантер указал Линн на одно из двух больших черных кожаных кресел перед своим столом, она села, не сняв пальто, поставив на пол сумочку. Лицо у него по-прежнему напряженное, очень серьезное. Таким она его еще не видела и поэтому адски нервничает. Зазвонил телефон. Доктор ответил, извинившись жестом и добавив взглядом, что это ненадолго. Разговаривая, поглядывал на экран ноутбука.

Завершив разговор, он записал что-то, еще раз покосился на ноутбук, потом сосредоточился на Линн, заговорил мягким озабоченным тоном:

– Спасибо, что пришли. Я решил лучше с вами сначала увидеться наедине перед встречей с Кейтлин.

Он явно нервничал.

– Правильно, – шепнула она беззвучно, одними губами. Рот и горло словно забиты промокательной бумагой.

Росс Хантер вытащил из одной стопки карточку, положил на стол, открыл, поправил очки со стеклами-полумесяцами, несколько секунд читал, как бы выгадывая время.

– Я получил от доктора Грэнджера результаты последних анализов, и, боюсь, дело плохо, Линн. Они свидетельствуют об ухудшении функций печени.

Доктор Нил Грэнджер, местный консультант-гастроэнтеролог, наблюдал Кейтлин последние шесть лет.

– В частности, сильно повысился уровень энзимов, – продолжал Хантер. – Особенно гамма-гонадотропина. А тромбоцитов совсем мало – их число резко упало. Часто видите у нее синяки?

– Да... – кивнула Линн. – И при порезах кровь долго не останавливается. Уровень энзимов сильно повышен? – За годы общения по Интернету с лечившими Кейтлин врачами она накопила немало познаний. Достаточно, чтобы понять, когда следует беспокоиться, но недостаточно, чтобы принять надлежащие меры.

– Ну при нормальной печени должен быть около сорока пяти. Анализы, сданные месяц назад, показывали тысячу пятьдесят. Последние – три тысячи. Доктор Грэнджер весьма озабочен.

– Что это значит, Росс? – глухо прохрипела Линн. – Что означают такие высокие показатели?

Он взглянул на нее сочувственно, но твердо:

– Доктор Грэнджер подозревает осложнение желтухи. И энцефалопатию. Говоря на простом языке, организм отравлен токсинами. У нее ведь все чаще случаются галлюцинации?

Линн кивнула.

– В глазах туманится?

– Иногда.

– Зуд?

– С ума сводит.

– По правде сказать, Кейтлин больше не реагирует на лечение. У нее необратимый цирроз.

Чувствуя глубоко в душе темную тяжесть, Линн отвернулась к окну, мрачно глядя в стекло. На пожарную лестницу. На зимние скелеты деревьев. Все мертвое. Как и она сама внутри.

– Как Кейтлин сегодня? – спросил доктор.

– Ничего. Немножечко куксится. Жалуется на зуд. Почти всю ночь не спала, расчесывала руки и ноги. Говорит, моча очень темная. Живот вздут, что ее особенно бесит.

– Могу дать таблетки для выведения жидкости. – Доктор сделал пометку в карточке Кейтлин, и Линн вдруг преисполнилась негодования. Разве при этом достаточно записи в чертовой карточке? И почему он не пользуется компьютером?

– Росс... вы говорите о резком падении тромбоцитов... как... что... я хочу сказать, как это остановить? То есть повернуть обратно... Что произошло?

Доктор поднялся из-за стола, подошел к книжной полке от пола до потолка, вернулся с коричневым клинообразным предметом, расчистил на столе место, поставил.

– Вот как выглядит печень взрослого человека. У Кейтлин она чуточку меньше.

Линн посмотрела, как уже смотрела тысячу раз. Росс начал рисовать на странице блокнота нечто вроде многочисленных головок капусты-брокколи. Линн терпеливо слушала объяснения о работе желчных протоков, но, когда рисунок был закончен, узнала не больше того, что и так уже знала. Вдобавок сейчас ее интересовал всего один вопрос.

– Должен быть какой-то способ, – заявила она, но без полной уверенности. Словно поняла – словно они оба поняли, – что после шести лет возникавших и исчезающих надежд подошло, наконец, неизбежное.

– Боюсь, процесс необратимый. По мнению доктора Грэнджера, есть риск опоздать.

– Что это значит?

– Она не реагирует ни на какое лечение, других способов не существует.

– Должны быть! Диализ?..

– При почечной недостаточности – да, но не при печеночной. Эквивалента нет.

Доктор Хантер помолчал.

– Почему, Росс? – требовательно спросила Линн.
– Потому что функция печени очень сложна. Я сейчас нарисую разрез, покажу...
– Не надо мне больше дерьмовых рисунков! – выкрикнула она и заплакала. – Хочу только, чтобы моему ребенку стало лучше. Вы должны что-то сделать!.. Что же будет, Росс? – всхлипнула Линн.

Он прикусил губу.

– Нужна трансплантация.

– Пересадка? Черт возьми, ей всего пятнадцать! Пятнадцать...

Он кивнул, ничего не сказав.

– Простите... я не на вас кричу... – Линн полезла в сумочку за носовым платком, вытерла глаза. – Бедняжка уже столько вынесла. Трансплантация?.. В самом деле единственный выход?

– К сожалению, да.

– А иначе?

– Говоря грубо, Кейтлин не выживет.

– Сколько у нас времени?

Доктор беспомощно всплеснул руками.

– Этого я сказать не могу.

– Недели? Месяцы?

– Максимум несколько месяцев. Может быть, меньше, если состояние и дальше будет ухудшаться такими же темпами.

– Трансплантация очень рискованна?

– Я бы солгал, утверждая, что нет. Главная проблема – найти подходящую печень. Доноров не хватает.

– А у нее еще редкая группа крови... – добавила Линн.

Доктор Хантер заглянул в свои записи и кивнул:

– Да. АВ отрицательная. Редкая – такая примерно у двух процентов населения.

– Группа крови имеет большое значение?

– Имеет, но в точных критериях я не уверен. Возможна перекрестная совместимость.

– Я... могу ей отдать свою печень?

– Возможно, частично, какую-то долю. Но у вас должна быть совместимая кровь, и, по моему, вы не такая уж крепкая.

Он поискал другую карточку.

– У вас группа А положительная. Я не знаю. – Доктор Хантер слабо улыбнулся, с симпатией, но почти безнадежно. – Доктор Грэнджер скажет точнее. И заодно оценит влияние вашего диабета.

Ее испугала неожиданная растерянность и беспомощность человека, которому она привыкла полностью доверять.

– Замечательно, – горько фыркнула Линн.

Еще одна нежеланная памятка о распавшемся браке. Поздно проявившийся диабет мог быть спровоцирован стрессом, как объяснял доктор Хантер. Поэтому невозможно утешиться даже вкусной едой.

– Значит, Кейтлин должна ждать смерти человека с подходящей группой крови? Это вы хотите сказать?

– Вероятно. Если у вас нет родственников или близких друзей с подходящими данными, которые согласятся стать донорами.

В душе возродилась надежда.

– Такое возможно?

– Размеры имеют значение. Донор должен быть крупным.

Единственный известный и сразу пришедший на память мужчина крепкого сложения – Мэл. Но у него такая же группа крови, как у самой Линн, – это выяснилось, когда они оба как сознательные граждане стали постоянными донорами.

Она быстро мысленно прикинула. В Соединенном Королевстве шестьдесят пять миллионов жителей. Допустим, сорок пять миллионов подростки. Значит, два процента составляют около девятисот тысяч. Куча народу. Наверняка каждый день умирают люди с отрицательной группой АВ.

– Будем в очереди стоять? Как стервятники? Ждать чьей-то гибели? Вдруг Кейтлин свихнется от подобной мысли? Вы ее знаете. Она не выносит насильственной смерти. Дергается, когда я мух бью на кухне!

– Приведите ее ко мне. Если угодно, встречусь с ней прямо сегодня попозже. Родственники погибших, чьи органы были переданы другим, часто утешаются мыслью, что смерть близких послужила благородной цели. Если желаете, я попробую ей объяснить.

Линн вцепилась в ручки кресла, стараясь прогнать страхи.

– Даже не верится, что я об этом думаю, Росс. Никогда не была жестокой, никогда не любила бить мух на кухне. А теперь сижу и реально *хочу* чьей-то смерти...

6

Констебль Йен Аппертон осторожно протиснул полицейский ««БМВ»» мимо зада брюзжавшего автобуса, намертво застрявшего в конце очереди, выбрался, наконец, на дорогу и, воя сиреной, погнал машину по встречной полосе.

Констебль Тони Омотосо молча сидел рядом с ним, присматривая за автомобилями на тот случай, если какой-нибудь водитель в нетерпении решится на глупость – прорваться или развернуться. Но водители либо ослепли, либо не слышали сирену, оглушенные чересчур громкой музыкой, только поглядывали в зеркало да приглаживали волосы. Тони Омотосо, как всегда, испытывал тревогу и напряжение, направляясь к месту дорожного происшествия – именно так теперь на изменчивом полицейском лексиконе именуется авария. Никогда не знаешь, что увидишь.

«БМВ» приблизился к вершине холма, к проклятой развязке с крутым поворотом на Дитчинг-роуд, которая пересекает Колдин-Лейн с востока на запад. Перед шеренгой машин стоял синий «Рендж Ровер» с включенными аварийными огнями. Неподалеку поперек дороги развернулся белый ««БМВ»»-кабриолет старой модели с открытой водительской дверцей. Внутри никого. За дверцей большая треугольная вмятина, заднее колесо просело, заднее стекло разбито. Дальше толпятся люди. Увидели подъезжающий полицейский автомобиль, посторонились.

В открывшемся проеме Омотосо увидел маленький белый «Форд». Рядом с ним на земле распростерся орлом неподвижный мотоциклист, из-под черного шлема течет струйка темной алой крови, образуя лужицу на дороге. Возле него стоят на коленях двое мужчин и женщина. Один вроде пробует с ним разговаривать. Поблизости валяется красный мотоцикл.

– Снова «Файерблейд», – мрачно и почти неслышно пробормотал Аппертон, останавливаясь.

«Хонда Файерблейд» – классическая машина «заново родившихся» байкеров, излюбленный мотоцикл сорокалетних олухов, которые гоняли на нем в юности, а когда заработали деньги, жаждут опять сесть в седло. Им, конечно, нужна максимальная скорость, хоть они по настоящему не понимают, насколько быстрее – и непослушнее – стал мотоцикл за прошедшие годы. Согласно скорбной статистике, подтвержденной ежедневными наблюдениями Тони Омотосо, Йена Аппертон и десятков других офицеров дорожной полиции, главную группу риска составляют не тинейджеры без царя в голове, а бизнесмены среднего возраста.

Омотосо сообщил по радио о прибытии на место и услышал в ответ, что «Скорая» и пожарные уже едут.

– Нам скорей нужен инспектор дорожной полиции, – сказал он диспетчеру и продиктовал позывные дежурного офицера.

Констебли вышли из машины, максимально быстро и внимательно оглядывая сцену. На службе Тони Омотосо усвоил одно – никогда не делай поспешных заключений об обстоятельствах несчастного случая. Однако, судя по тормозному пути, положению автомобиля и мотоцикла, похоже, машина оказалась на пути мотоцикла, который наверняка несся на бешеной скорости, если причинил такие повреждения и развернул машину поперек дороги.

– Выскочила дура трахнутая! Прямо на него налетела! – прокричал мужской голос. – У него не было ни единого шанса!

Полицейские бросились к мотоциклисту. Омотосо протиснулся между столпившимися вокруг него людьми, опустился на колени.

– Он без сознания, – проговорила женщина.

Тонированный солнцезащитный щиток шлема опущен. Известно, что пострадавшего по возможности лучше вообще не трогать. Констебль с предельной осторожностью поднял щиток, прикоснулся к лицу, раздвинул губы, сунул палец, нащупал язык.

– Вы меня слышите, сэр? Слышите?

Йен Аппертон у него за спиной спросил:

– Кто водитель ««БМВ»»?

К нему шагнула женщина лет за сорок, с белым как простыня лицом, с мобильным телефоном в руке. Вид крикливый – вытравленные волосы, джинсовая куртка с меховой опушкой, джинсы, замшевые ботинки.

Трясаясь в шоке, она робко заговорила хриплым голосом заядлой курильщицы:

– Я... Ох, черт, черт, черт!.. Я его не видела. Несся как ветер. Я его не видела. Дорога была пустая...

Опытный полицейский приблизился, принялся к дыханию. Чутье у него острое, без труда улавливает следы вчерашней попойки. Возможно, слабый запах перегара присутствует, хотя точно не скажешь, тем более что его забивает мятная жвачка и застарелая вонь табака.

– Сядьте, пожалуйста, в мою машину на переднее сиденье. Я через пару минут подойду, – сказал Аппертон.

– Прямо в лоб налетела, – почти недоверчиво объяснял мужчина в анорাকে. – Я сразу за ним ехал.

– Буду очень признателен, если вы назовете свою фамилию и адрес, сэр, – попросил констебль.

– Конечно. Вылетела прямо в лоб. Не подумайте, сам он тоже не ехал, а мчался, – оговорился мужчина. – Я был в «Рендж Ровере», – он ткнул пальцем в свой автомобиль, – а мотоцикл буквально промелькнул мимо за долю секунды.

Аппертон увидел подъезжавшую «Скорую».

– Сейчас вернусь, сэр, – предупредил он и поспешил навстречу санитарам.

7

Празднества в этом году начинаются рано. В среду утром в четверть девятого суперинтендант Рой Грейс сидел в своем кабинете, нянча похмелье. Никогда от него не страдал, в любом случае крайне редко, а в последнее время оно становится обычным явлением. Может, возраст – в августе стукнет сорок. А может быть...

Что?

Понятно – надо успокоиться, взять себя в руки. Впервые за девять лет после исчезновения жены Сэнди у него сложились прочные отношения с поистине обожаемой женщиной. Недавно получил повышение, возглавил отдел тяжких преступлений; основное препятствие на карьерном пути – никогда его не любившая заместительница главного констебля Элисон Воспер – перебирается на другой конец графства на должность помощницы главного констебля.

Почему же, непрерывно гадает Грейс, он часто просыпается, чувствуя себя полным дерьмом? Зачем вдруг безрассудно напился?

Возможно, потому, что Клио, которой скоро тридцать, тайно – а иногда и явно – надеется услышать предложение. Он уже фактически съехался с ней и с Хамфри – псом смешанных кровей. Отчасти из-за того, что на самом деле хочется быть с ней рядом, отчасти из-за того, что друг и коллега сержант Гленн Брэнсон, семейная жизнь которого висит на волоске, уверенно становится постоянным обитателем дома Грейса. При всей любви к Гленну они абсолютно несовместимы в реальной жизни, поэтому легче оставить его у себя, хотя больно видеть, во что он превратил жилье, особенно драгоценную коллекцию виниловых пластинок и лазерных дисков.

Грейс выпил вторую за утро чашку кофе, открутил пластмассовую крышечку бутылки с газированной водой. Вчера вечером был в китайском ресторане на рождественском ужине сотрудников городского морга Брайтона и Хоува, потом вместо того, чтобы благоразумно вернуться домой, отправился вместе со всеми в казино «Рандеву», перебрал коньяка, чреватого особенно тяжким похмельем, стремительно проиграл пятьдесят фунтов в рулетку и еще сто двадцать в блек-джек, пока Клио, к счастью, его не утащила.

Взяв за правило к семи утра сидеть за рабочим столом, явился в кабинет всего десять минут назад и пока сумел решить единственную задачу, кроме собственноручного приготовления кофе, – включил компьютер. Сегодня снова вечеринка в честь проводов на пенсию главного суперинтенданта Джима Уилкинсона.

Стиснув обеими руками кофейную кружку, Грейс недовольно заметил, что они дрожат. Проклятье, сколько ж вчера было выпито? Судя по туманным воспоминаниям, Клио вообще ничего не пила, и очень хорошо, потому что сумела отвезти его домой. Черт побери, даже не вспомнить, занимались ли они любовью.

Он снял со спинки кресла пиджак, натянул, посмотрел на монитор, прокрутил кругло-суточную сводку происшествий, зарегистрированных в Брайтоне и Хоуве. Добавляются новые сообщения, старые не исчезают, дополняясь новыми деталями.

Среди самых существенных – атака на гомосексуалистов в Кемптауне и серьезное нападение на Кингс-руд. Еще одно, только что обновившееся, касается дорожно-транспортного происшествия на Колдин-Лейн. Автомобиль столкнулся с мотоциклом. Впервые сообщение поступило в 8:02, теперь пополнилось информацией о запрошенном полицейском вертолете с санитарами на борту.

Нехорошо. Он легонько поежился. Сам любит мотоциклы, ездил в юности, когда впервые пришел в полицию и обхаживал Сэнди, но с тех пор ни разу не садился. Бывший коллега Дэйв Гейлор, недавно вышедший в отставку, обзавелся шикарным черным «Харлеем» с красными колесами, и Грейс, получив в связи с повышением право пользоваться служебным автомобилем, испытывал искушение сменить свою «Альфу Ромео», недавно разбившуюся во время преследования, на мотоцикл, когда – или *если* – сукины дети из страховой компании раскачаются. Но Клио взбесилась при первом намеке, хоть сама лихачит за рулем.

Будучи старшим патологоанатомом полицейского морга, она при каждом дальнейшем напоминании принимается перечислять смертельные травмы, полученные невезучими мотоциклистами, ее клиентами. Известно, что в некоторых медицинских кругах, особенно среди травматологов, где черный юмор особенно популярен, мотоциклистов прозвали «донорами на колесах».

Кроме папок и файлов, относящихся к его новой роли и содержащих кучи материалов, подготовленных к предстоящим судебным слушаниям отделом уголовного судопроизводства, к нему после недавнего внезапного отъезда одного коллеги вновь вернулись старые дела об убийствах, не раскрытых Сассекской полицией. Они лежат в зеленых пластмассовых ящиках и занимают почти весь пол, кроме места для письменного стола, небольшого круглого стола заседаний, четырех кресел и черного кожаного саквояжа со всем снаряжением и защитной одеждой, необходимыми на месте происшествия.

Работа над «глухарями» движется мучительно медленно, отчасти потому, что ни у Грейса, ни у кого другого в штаб-квартире уголовного розыска на это нет времени; отчасти потому, что все равно почти ничего не добьешься. Остается ждать новых успехов криминалистики вроде современных методов анализа ДНК или вестей от родных, например, от жены, которая прежде лгала, выгораживая своего мужа, а потом, разозлившись, решила его заложить. Впрочем, положение должно измениться, когда новая команда, перешедшая под его руководство, просмотрит все старые файлы по самым серьезным случаям.

Суперинтендант снова взглянул на папки из судебного отдела. Бюрократические требования системы выше всякого разумения. Он хлебнул воды, раздумывая, с чего начать. Вместо этого решил просмотреть список рождественских подарков. Дошел только до первого пункта – заказа родителей его девятилетней крестницы Джей Сомерс. Зная, что ей нравится получать от него подарки, которые подтверждают, что он классный парень, а не занудный старый хрен, те запросили черные замшевые сапожки третьего размера.

Где их взять?

Одна личность точно знает ответ. Он вновь оглянулся на зеленую коробку, четвертую в стопке справа от стола. *Башмачник*. Очень интересный «глухарь». За несколько лет Башмачник изнасиловал в Сассексе шестерых женщин, одну убил, возможно, нечаянно, в панике. Потом необъяснимо остановился. Может, последняя жертва яростно отбивалась, умудрилась частично сорвать маску, что позволило бы составить портрет с помощью компьютерной программы «Айдентикит», и гад испугался. Или уже умер. Или куда-то уехал.

Три года назад арестовали сорокадевятилетнего бизнесмена из Йоркшира, который изнасиловал в середине восьмидесятых годов многих женщин и всегда уносил с собой женские туфли. Полиция Сассекса одно время надеялась, что это и есть ее стародавний клиент, но анализ ДНК развеял надежды. Вдобавок методы насильников хотя и были похожими, но не идентичными. Джеймс Ллойд из Йоркшира снимал с жертв обе туфли, а Сассекский Башмачник одну, обязательно с левой ноги, и прихватывал трусики. Конечно, возможно, пострадавших было больше. Проблема с поимкой насильников в том, что жертвы нередко стыдятся огласки.

Рой Грейс пришел в полицию не только по стопам отца-полицейского, но и с искренним желанием найти себе дело, которое позволяет хоть чуточку изменить мир. В последние годы, вдохновленный техническими достижениями, он лелеет дерзкую мечту, что когда-нибудь все преступники, чьи дела покоятся в зеленых коробках, предстанут перед судом. Каждый проклятый сукин сын до последнего. И первым в списке значится извращенец Башмачник.

Когда-нибудь.

Когда-нибудь Башмачник пожалеет, что родился на свет.

8

Линн вышла из кабинета в каком-то тумане. Побрела по улице к маленькому обшарпанному оранжевому «Пежо» без колпака на одном колесе, открыла дверцу, села. Она всегда оставляет машину незапертой в тщетной надежде, что кто-нибудь ее угонит и можно будет получить страховку.

Механик в гараже предупреждал еще в прошлом году, что «Пежо» не пройдет очередной техосмотр и проверку на токсичность выхлопных газов без серьезного ремонта, который обойдется дороже нового автомобиля. Теперь до осмотра – о, ужас! – осталась неделя.

Мэл сам чинил машину, все умел делать. Господи, до чего без него тяжело! До чего тяжело без людей, с которыми можно было бы поговорить, обсудить, что сказать дочери, как сообщить ужасное известие.

Смаргивая слезы, она вытащила мобильник из сумочки, набрала номер лучшей подруги Сью Шеклтон, тоже разведенной матери-одиночки с четверья детьми, которая почему-то вечно веселится.

Выкладывая ей новости, Линн без всяких опасений следила за шагавшим по тротуару дорожным инспектором – оплаченная квитанция на парковку, приклеенная к лобовому стеклу, действительна еще больше часа. Сью, по обыкновению, посочувствовала, но высказала реальное и практичное мнение:

– Дорогая, в жизни всякое бывает. Одному моему приятелю лет семь назад пересадили почку, с тех пор он жив-здоров и в ус не дует.

Линн кивнула, вспомнив упомянутого приятеля.

– Что еще можно сделать?

– В том-то и дело, что ничего.

– Ну, тогда выбирай. Хочешь, чтобы она жила или чтобы умерла?

– Разумеется, чтобы жила.

– Тогда смирись, наберись сил и уверенности. Она ни в коем случае не должна тебя видеть раскисшей в такой момент.

Наберись сил и уверенности.

Легко сказать.

Линн позвонила Мэлу на мобильник, не зная, где он сейчас находится. Время от времени он уходит в море, в последнее время работал за Уэльсом в Бристольском канале. Отношения у них дружеские, хоть чуточку натянутые и формальные.

Мэл ответил после третьего звонка сквозь сильный треск в трубке.

– Привет, – прокричала она. – Где ты?

– Выходим из Шорэма. В десяти милях за устьем, идем на участок. Через несколько минут выйдем из зоны приема. В чем дело?

– Мне с тобой надо поговорить. Кейтлин хуже... Она очень больна. Безнадежно.

– Проклятье, – пробормотал он. Его голос стал еле слышен. Треск усилился. – Рассказывай.

Она поспешно изложила диагноз, по опыту зная, как быстро порой исчезает сигнал. Едва расслышала в ответ, что драга вернется в Шорэм часов через семь, и обещание перезвонить.

Потом звякнула матери, которая сидела в своем бридж-клубе за утренним кофе. Сильная, крепкая женщина как бы еще больше окрепла за четыре года, прошедшие после смерти мужа – отца Линн, – признавшись однажды дочери, что они фактически не так уж любили друг друга. Практичная женщина, которую, видно, ничто взволновать не способно.

– Надо искать другой вариант, – сразу заявила она. – Скажи доктору Хантеру: нужен другой вариант.

– По-моему, у него нет сомнений, – ответила Линн. – На пересадке настаивает не только доктор Хантер, но и специалист по заболеваниям печени. Иначе случится то, чего мы постоянно боимся.

– Необходим другой вариант. Врачи ошибаются. Они не безгрешны.

Линн неохотно пообещала поговорить насчет другого варианта. По дороге домой напряженно раздумывала. Конечно, может быть, мать права. Возможно, диагноз ошибочный. Возможно, другой специалист знает что-нибудь неизвестное доктору Грэнджеру, подскажет не

столь рискованный выход. Возможно, есть новые лекарства. При повороте направо с Лондон-роуд на Гарден-авеню машина с громким скрежетом завилыла. Линн переключила передачу, слыша привычный металлический стук от болтающейся выхлопной трубы. По словам Кейтлин, это стучит Смерть с косою – машина умирает.

У дочки мрачноватое чувство юмора.

Линн поднималась на холм к Патчему с полными слез глазами, до конца осознав катастрофическое положение и масштаб проблем, ошеломленно трясая головой. Пропавшие все пропадут! Она *абсолютно* к этому не готова. Черт возьми, как сказать дочери, что ей нужна новая печень? Причем, может быть, взятая у мертвеца...

Свернула на свою улицу, потом налево на подъездную дорожку к дому, нажала на тормоз, заглушила мотор. Машина, как всегда, напоследок дернулась, и все смолкло.

Дом, примыкающий одной стеной к соседнему, подобно многим другим в этом городе, стоит на тихой жилой улице на крутом холме. Прежде здесь жили пожилые супруги, и Линн, переехав, преобразила задний садик, насаживая всевозможных растений. А через семь лет даже не может позволить себе содрать и заменить старое, изношенное ковровое покрытие. Хватает лишь на свежую покраску, отчасти на обои. На убогой кухне стоит неистребимый затхлый старческий запах, несмотря на ароматические смеси и освежители.

Когда-нибудь, обещает себе Линн. *Когда-нибудь*.

Когда-нибудь в заветный день в саду будет построена студия. В свое время она с большим наслаждением писала акварелью виды Брайтона и даже продавала их со скромным успехом.

Линн отперла парадную дверь, вошла в узкую переднюю, взглянула вверх на лестницу, гадая, не встала ли Кейтлин, не слыша ни звука.

Пошла наверх с тяжелым сердцем. На двери дочкиной спальни висит белый лист с крупной надписью от руки: «Прашу стукать». На ее памяти он всегда тут висел. Она стукнула.

Как всегда, нет ответа. Кейтлин либо спит, либо сотрясает музыкой барабанные перепонки. Линн вошла в комнату, куда словно бульдозер приволок и ссыпал содержимое оптовой распродажи.

За горами одежды, мягких игрушек, компакт-дисков, обуви, коробочек с макияжем, красочным розовым ведром для мусора, перевернутым вверх ногами розовым стулом, куклами, мобилем с бабочками из органического стекла, сумками и пакетами из «Топ-шоп», «Риверайленд», «Монсун», «Эберкромби энд Фитч», «Гэп» и «Зара», мишенью для дротиков, с которой свисает фиолетовый удав, видна только кровать, на которой лежит на боку Кейтлин в невообразимой излюбленной позе – руки в боки, ноги согнуты, голова под подушкой, из-под пухового одеяла торчат голые бедра, на голове наушники, телевизор включен, на экране повтор шоу «Хиллс».

Она похожа на мертвую.

На мгновение ужаснувшись, Линн бросилась к кровати, запутавшись в проводе от зарядника мобильного телефона, схватила длинную тонкую руку.

– Сплю, – сердито буркнула Кейтлин.

Сразу нахлынуло облегчение. Из-за болезни спит когда попало. Она с улыбкой присела на край кровати, погладила дочь по спине. Кейтлин – длинная, худая до истощения, неуклюжая, с клубком торчащих черных коротких волос, смазанных гелем, – напоминает резиновую куклу, под кожей будто гибкая проволока вместо костей.

– Ну как ты?

– Чешусь.

– Будешь завтракать? – спросила Линн с надеждой.

Дочь не страдает полномасштабной анорексией, но к тому приближается. Одержимо следит за собственным весом, без конца встает на весы, отказывается от любой еды вроде сыра и пиццы, не желает, по ее выражению, *поглощать жиры*.

Вот и теперь резко мотнула головой.

– Нам с тобой надо поговорить, дорогая. – Линн взглянула на часы. 10:05. Предупредила вчера на работе об опоздании и через минуту опять позвонит, что совсем не придет. У доктора в середине дня только маленькое окошко для приема Кейтлин.

– Некогда, – буркнула дочь.

Внезапно разозлившись, Линн сдернула с нее наушники.

– Дело важное.

– Остынь, женщина! – огрызнулась Кейтлин.

Линн закусила губу, помолчала, а потом сказала:

– У нас на сегодня назначена встреча с доктором Хантером. В половине третьего.

– Без меня решила. Днем я с Люком встречаюсь.

Люк, бойфренд Кейтлин, учится на курсе информационных технологий в Брайтонском университете, но ничего не может внятно объяснить. Особый экземпляр среди известных Линн полных оболтусов. Дочка встречается с ним больше года. В этом году с определенным трудом удалось из него вытащить пяток слов. *Угу, ага, тина, как бы, понимаете* – полный предел словаря. Кажется, будто Кейтлин с Люком объединяет происхождение с одной планеты в дальнем конце Вселенной, в каком-нибудь дерьмовом галактическом тупике.

Линн чмокнула дочь в щеку, нежно пригладила жесткие волосы.

– Что слушаешь?

– Рианну.

– Детка, ты обязательно должна встретиться с доктором Хантером. Он хочет облегчить твое состояние. Похоже, единственный способ – пересадка печени. Ему надо это с тобой обсудить.

Кейтлин кивнула:

– Отдай наушники. Мой любимый трек.

– Ты меня слышала, милая? Насчет трансплантации печени?

Кейтлин передернулась и проворчала:

– Как скажешь.

9

На скорости в двенадцать узлов «Арко Ди» добралась до рабочего участка за полтора часа. Почти все это время Мэл Беккет занимался рутинной проверкой сорока двух систем звуковой и световой сигнализации. Испытав три – в машинном отделении, на днище, на вспомогательном носовом винте, – дошел до пульта управления на капитанском мостике.

Несмотря на обжигающий ледяной ветер, выдался чудный солнечный день с легкой уютной бортовой качкой, один из любимейших в море, если бы не затмившая сердце черная туча – Кейтлин...

Покончив со световыми сигналами, он бросил взгляд на монитор со сводкой погоды, с удовольствием отмечая хороший прогноз на оставшийся день. «Арко Ди» с плоским днищем изначально строилась для работ в закрытом канале, имея осадку в тринадцать футов с полным грузом – оптимальную для портов с песчаными отмелями вроде Шорэма, где при низком приливе вход в бухту сильно мелеет. Драга спокойно выходит и возвращается примерно за час до отлива, но находиться на ней в бурном море не слишком приятно.

На теплом уютном капитанском мостике, оборудованном по последнему слову техники, царит спокойная сосредоточенность. «Арко Ди» почти дошла до участка драгирования в десяти морских милях к юго-востоку от Брайтона. Желтые, зеленые, синие линии рисуют на черном экране кривобокий треугольник, отмечающий сто квадратных миль морского дна, арендованных у государства конгломератом «Хэнсон-груп», которому принадлежит местный

флот землечерпалок. Участок отмерен с такой же точностью, как площадь любой фермы на берегу; отклонение грозит крупными штрафами и лишением лицензии.

Коммерческое драгирование, в сущности, представляет собой подводную добычу материалов. Всосанный трубой песок и гравий сортируются и продаются строительным и ландшафтными фирмам. Камешки лучшего сорта украсят высококачественные подъездные дорожки, песок используется в производстве бетона, остальное либо добавляют в раздробленном виде в бетонные и асфальтовые смеси, либо оно пойдет на балласт для фундаментов зданий, дорог и туннелей.

Капитан Дэнни Маршалл, худой, жилистый добродушный мужчина сорока пяти лет с отросшей за несколько дней щетиной, в черной шапочке с кисточкой, мохнатом синем свитере поверх голубой рубашки, джинсах и хорошо послуживших морских сапогах, стоял у штурвала. Первый помощник в таком же наряде наблюдал за монитором компьютера с изображением участка работ. У других семи членов команды, которые почти все работают вместе последние десять лет, море тоже в крови, как и у Мэла Беккета. Мэл с детства был бунтарем, искателем приключений, ушел из дома, как только получил возможность поступить в Королевский военно-морской флот в качестве инженера-стажера, провел не один год в море, кочуя по миру. Но, подобно нынешним товарищам, начинавшим карьеру на океанских судах, решил после рождения Кейтлин – первого ребенка – найти работу, которая позволяет плавать и одновременно вести семейную жизнь.

Драга оказалась идеальным решением. Она никогда не проводит в море больше трех недель и дважды в день возвращается в гавань. Когда судно стоит в Шорэме или в Ньюхейвене, можно даже при случае часок поспать дома.

Звонок Линн сильно встревожил Мэла. Всегда считая Кейтлин трудным ребенком, он тем не менее очень любит ее, видя большое сходство с самим собой. Когда забирает к себе, неизменно посмеивается над ее жалобами на мать. Похоже, у нее с Линн те же проблемы, которые возникали у него. Линн неизменно преследуют маниакальные страхи, хотя, если честно сказать, дочь сама уже много лет доставляет немалое беспокойство обоим родителям. Видно, на этот раз дело еще хуже прежнего.

Он натянул яркую плотную куртку, спустился с мостика по крутым металлическим ступенькам, добрался до главной палубы. Крепкий зимний бриз рвал одежду по пути к месту наблюдения за спуском землесосной трубы.

Когда Мэл время от времени встречается и выпивает с бывшими флотскими коллегами, они его поддразнивают, называя драгу плавучим пылесосом. В каком-то смысле так оно и есть. «Арко Ди» – пылесос весом в две тысячи тонн. С полным мешком – в три пятьсот.

Вдоль левого борта судна высится установка со стальной трубой длиной сто футов. Для Мэла наступает один из самых волнующих моментов в каждом рейсе, когда труба скрывается из вида в мутных водных глубинах. В этот момент судно как бы по-настоящему оживает. Слышится гул насосов, звон желобов, море вокруг вскипает, бурлит, через несколько минут по палубе забарабанит песок и гравий, превращая емкость для груза в центре палубы в яростный водоворот взбаламученной грязной воды.

Иногда бывают неожиданности. В трубопроводе застревают предметы вроде пушечного ядра, обломка самолета времен Второй мировой войны, в одном потрясающем случае – неразорвавшаяся бомба. За годы со дна океана поднято множество исторических артефактов, для таких случаев даже разработаны особые правила.

Минут через двадцать пора поднимать трубу. Мэл быстро закусывал в пустой кают-компании, сидя на обшарпанном диване с чайной кружкой в руках и ячменной лепешкой. Телевизор включен, но картинка расплывчатая, ничего не разберешь. Он рассеянно изучал вечернее меню, написанное на белой доске красным фломастером: луковый суп, рогалики, шотландская яичница, чипсы, салат из свежих овощей, бисквит, сладкий крем. После возвращения в порт

и разгрузки команда будет до ужина напряженно работать, а к тому времени можно с голоду умереть. Размышляя о Кейтлин, Мэл потерял интерес к лепешке, откусил дважды и выбросил в мусорное ведро. Тут его кто-то окликнул.

Он оглянулся на второго помощника капитана, здоровяка-шотландца в робе, каске и толстых защитных перчатках.

– У нас засор, шеф. Думаю, надо трубу поднимать.

Мэл схватил каску, бросился за ним на палубу. Взглянув наверх, сразу увидел, что из слива течет только тонкая струйка. Засоры случаются редко – мощные стальные щупальца на головке трубы отметают предметы, разве что туда затынет порой рыболовную сеть.

Выкрикивая команды двум своим помощникам, Мэл дождался остановки насосов, включил подъемное устройство и стал смотреть за борт в бурлившую воду, откуда медленно поднималась труба. Увидев предмет, прочно зажатый стальными захватами, внезапно ощутил спазм в желудке.

– Что за чертовщина?.. – пробормотал шотландец.

Никто не ответил.

10

Рой Грейс все отчетливее чувствует, что его жизнь превращается в постоянную борьбу со временем. Он как будто участвует в игровом шоу, где победители не получают призов, потому что игре нет конца. Только ответишь на одно электронное сообщение, как приходят еще пятьдесят. Только разберешь одну папку с письменного стола, еще десять приносит заместительница по организационным вопросам Элинон Ходжсон или кто-то другой – в последнее время чаще всего Эмили Гейлор из отдела уголовного судопроизводства, которой поручено помочь суперинтенданту с подготовкой материалов к судебным процессам, хотя кажется, что она с тайным злорадством лишь заваливает стол очередными бумагами.

На этой неделе Грейс исполняет обязанности дежурного старшего следователя, значит, должен возглавить расследование любого совершенного в Сассексе мало-мальски крупного происшествия. Он молча помолился неизвестному богу, покровителю полицейских, чтобы неделя выдалась спокойной.

Видно, у этого самого бога нынче выходной.

Зазвонил телефон.

– Рой, – сказал знакомый оператор Рон Кинг, – мне только что сообщили из береговой охраны. Шорэмская драга вытащила труп из канала в десяти милях от гавани.

«Святители небесные!» – мысленно охнул Грейс. Этого как раз и не хватало.

В приморском Брайтоне из воды ежегодно вытаскивают немалое количество трупов. Одни подбирают с поверхности – как правило, это самоубийцы, неудачливые яхтсмены, упавшие за борт. Другие, захороненные в море, попадают в сети рыбаков, не давших себе труда посмотреть по карте, где находятся кладбищенские участки. С последними в большинстве случаев разбирается полицейский констебль. Но этот звонок какой-то излишне тревожный.

– Что можете сказать? – покорно вздохнул Грейс.

– Пол мужской, на вид совсем молоденький, от четырнадцати до шестнадцати. В воде пробыл недолго. Завернут в пластик с прикрепленным грузом.

– Может, захоронен в море?

– Не похоже. И не простой «поплавок». По словам береговой охраны, капитан подозревает нечто вроде ритуального убийства. На теле непонятный разрез. Если желаете, попросу береговую охрану послать туда катер.

Грейс какое-то время сидел неподвижно, направляя кипящие мозги в нужное русло. Содержимому письменного стола и компьютера придется подождать, пока он хотя бы не взглянет на тело.

– Труп на палубе или среди груза?

– Застрял в головке трубопровода. Они его не трогали, только пластик разрезали, чтобы посмотреть.

– Судно за пределами Шорэмской гавани?

– Да.

Прошло несколько лет с тех пор, как Рой Грейс был на драге, вытащившей почти полностью разложившийся труп, и поэтому смутно представлял себе судно и механизмы.

– Пусть никто к нему не прикасается, – приказал он. Возможно, на трупе или в трубопроводе остались существенные криминалистические свидетельства. – Попросите закрепить как можно надежней и точно отметить на карте, где тело попало в трубу.

Закончив разговор, стал звонить дальше, собирая необходимую в данный момент команду. Первым делом оповестил коронера, вызвал патологоанатома министерства внутренних дел. Почти каждый труп, выловленный в море или выброшенный на берег, сначала осматривает кадровый полицейский, затем полицейский врач или фельдшер констатирует смерть, потом его забирают работники морга и освидетельствуют на предмет насильственной или естественной кончины. Выслушав данное сообщение, Грейс уже почти не сомневался в насильственной смерти.

Через тридцать минут он сидел за рулем служебной машины «Хёндэ» и направлялся к гавани вместе со своей давней сотрудницей инспектором Лиззи Мантл – в высшей степени компетентным и, в качестве дополнительной премии, привлекательным детективом. Миловидное личико, светло-каштановые волосы до плеч, белая крахмальная блузка под мужским брючным костюмом, сегодня голубым в белую полоску. Многие женщины в таком наряде выглядели бы мужеподобными, а Лиззи он придает не только деловой, но и женственный вид.

Проехали мимо тупиковой частной подъездной дорожки к дому Хизер Миллс. Видя, как Грейс оглядывается на жилище бывшей жены одного из битлов, Лиззи спросила:

– Встречался когда-нибудь с Полом Маккартни?

– Нет.

– Ты же любишь и хорошо знаешь музыку?

– Отчасти, – кивнул он.

– Не хотелось бы стать рок-звездой вроде «Битлз»?

Грейс чуть помолчал. Никогда об этом не задумывался.

– Нет, пожалуй.

– Почему?

– Потому... – начал он, сделал паузу, притормозил, отыскивая на причале нужное место. – Потому что голос у меня дерьмовый.

Лиззи усмехнулась.

Грейс пожал плечами:

– Даже если б имел певческий голос, все равно искал бы дело, которое что-то меняет. Понимаешь? Изменяет мир. Поэтому пошел в полицию. Пускай это звучит банально, но именно поэтому я делаю свое дело.

– Думаешь, полицейский успешнее изменяет мир, чем поющая суперзвезда?

Грейс улыбнулся:

– Думаю, мы меньше его портим.

– Но разве что-то *меняем*?

Проехав склад лесоматериалов, Грейс увидел стоявший на краю причала темно-зеленый фургон с золотым крестом Брайтона и Хоува и тормознул поблизости. Пока больше никто из команды не прибыл.

– Драга должна была уже прийти, – проворчал он с легким раздражением, борясь со временем, помня о прощальной вечеринке, на которой сегодня должен присутствовать. Будут многие крупные шишки из Сассекской полиции, выпадет неплохая возможность кое о чем договориться, заключить соглашения, так что нельзя опаздывать. А шансов уже нет.

– Может, в шлюзе застряла.

Грейс кивнул и вылез из машины, пошел к краю причала, до сих пор болезненно прихрамывая после гонки за преступником несколько недель назад, когда его обожаемая «Альфа Ромео» сорвалась с обрыва. Он поплотнее запахнулся, дрожа на холоде, натянул кожаные перчатки, сунул руки в карманы, посмотрел на часы.

Десять минут пятого. Проводы Джима Уилкинсона начинаются в семь в самом дальнем конце Уортинга. Предполагалось заехать домой, переодеться, захватить Клио. Теперь же – смотря что обнаружится и долго ли будет патологоанатом возиться на месте – дай бог вообще попасть на прием.

Позади открылась и захлопнулась дверца, хриплый голос сказал:

– Ох и влетит вам от миссис за опоздание, Рой! Не хотелось бы оказаться на вашем месте.

Он оглянулся на Уолтера Хордерна, высокого подвижного мужчину, всегда скромно и элегантно одетого в темный костюм и белую рубашку с черным галстуком. Официально он значится директором кладбищ Брайтона и Хоува, но в его обязанности также входит участие в перевозке тел с места происшествия и оформление бесчисленных документов. Несмотря на скорбную должность, Уолтер обладает лукавым чувством юмора и больше всего на свете любит заводить Грейса.

– Почему?

– Грохнула ради нынешнего торжества целое состояние на парикмахера, будь я проклят. Сильно обидится, если вы ее кинете.

– Никого я не кину.

Уолтер выразительно глянул на свои часы и с сомнением поднял брови.

– Если понадобится, поручу вам возглавить следственную бригаду, – хмыкнул Грейс.

Тот покачал головой:

– Предпочитаю иметь дело с кочерыжками. Они не шевелят губами. Чистое золото, я вам скажу.

Грейс усмехнулся:

– Даррен здесь?

Даррен – помощник Клио в морге.

Уолтер ткнул пальцем в сторону фургона:

– Сидит там на лавочке, заигрывает с подружкой. – Он пожал плечами, закатил глаза. – Эй, вам пицалка пришла.

Грейс кивнул, набрал сообщение:

Судна еще нет. Опаздываю. Встретимся на месте. ХХХ.

Принялся заталкивать мобильник в карман, а он снова звякнул.

Не опаздывай. Хочу сказать тебе кое-что.

Он нахмурился, озадаченный скупостью текста и отсутствием подписи «Х» в конце. Отойдя подальше от Уолтера и инспектора Мантл, которая только что вышла из машины, набрал номер Клио.

Она сразу ответила, но кратко:

– Не могу разговаривать. Родственники прибыли на опознание.

– Что ты мне хочешь сказать?

– С глазу на глаз, не по телефону. Потом, ладно? – И разъединилась.

Черт побери! Грейс уставился на телефон, еще больше встревоженный, потом спрятал его в карман.

Ему все это не понравилось.

11

Симона научилась вдыхать пары «Ауролака» из пластикового пакета. Маленькой бутылочки растворителя, которую легко украсть в любом москательном магазине, хватает на несколько дней. Ромео научил ее воровать, прыскать в пакет, чтобы растворитель смешался с воздухом, вдохнуть, выдохнуть в мешок и опять вдохнуть.

Как вдохнешь, когти голода ослабевают.

Как вдохнешь, жилище становится терпимым. Даже не вспомнить – точнее, *не хочется* вспоминать, – сколько лет она тут живет. Попала сюда через дыру в бетонном тротуаре, спустилась по прутьям железной лестницы под оживленную невымошенную дорогу в подземную пещеру, предназначенную для осмотра и ремонта паровой трубы. Труба диаметром тринадцать дюймов входит в коммунальную сеть центрального отопления, обогревающую большинство городских домов. Поэтому зимой здесь уютно и сухо, а в весенние месяцы нестерпимо жарко, пока ее не выключат.

В крошечном пространстве, в тесной щели между трубой и стеной Симона устроила себе дом. В нем находится найденное на свалке старое, кем-то выброшенное пуховое одеяло и Гогу, который при ней, сколько помнится. Гогу – бесформенный свалывшийся кусок бежевого искусственного меха, к которому она во сне каждую ночь прижимается щекой. Кроме надетой на ней одежды и Гогу, никакого имущества у нее нет.

Их пятеро – шестеро, если считать младенца, живущего здесь постоянно. Остальные приходят, остаются на время, уходят. Помещение освещено свечами, музыка играет днем и ночью, когда есть батарейки. Западная поп-музыка иногда радует, иногда бесит, потому что громкая и редко останавливается. Из-за нее жильцы вечно ссорятся, но всегда запускают. Сейчас поет Бейонсе. Симоне она нравится. Нравится, как она выглядит. Симона мечтает когда-нибудь выглядеть, как Бейонсе, и петь, как Бейонсе. Когда-нибудь она будет жить в доме.

Ромео говорит, что она красивая, станет однажды богатой и знаменитой.

Младенец Антонио, восьмимесячный сын Валерии, снова плачет, слегка пахнет какашками. Общими стараниями его удастся прятать от властей, которые иначе забрали бы малыша.

Когда-то хорошенькая Валерия гораздо старше остальных. В двадцать восемь лет лицо огрубело, покрылось глубокими морщинами от такой жизни, превратилось в старушечье. У нее прямые длинные темные волосы; глаза, прежде яркие, погасли, умерли; одежда разноцветная – изумрудная дутая куртка поверх рваных бирюзовых, желтых, розовых спортивных костюмов, красные пластиковые сандалии. Все это, как и другое, вытащено из мусорных баков в лучших районах города или жадно отхвачено на бесплатных раздачах.

Валерия укачивает на руках младенца, завернутого в старую вельветовую куртку на меху. Проклятый ребенок орет громче нескончаемой музыки. Известно – он плачет от голода. Все почти постоянно голодные. Едят то, что удастся стащить или купить на деньги, выпрошенные на улицах, вырученные от продажи старых газет, выгащенные из украденных у туристов сумочек и бумажников, полученные за мобильники и фотоаппараты, точно так же украденные.

Ромео, с голубыми глазами величиной с блюдца, умной невинной физиономией, короткими черными волосами, зачесанными вперед, и высохшей рукой, очень быстро бегают. Как будто за ним черти гонятся! Сколько ему лет, он не знает. Может, четырнадцать. Или тринадцать. Симона своего возраста тоже не знает. Те самые дела, о которых ей рассказала Валерия, еще не начались. Поэтому, наверное, двенадцать-тринадцать.

Это ее не особенно интересует. Хочется только, чтоб люди, живущие рядом, – *семья* – были ею довольны. Они всегда довольны, когда Симона с Ромео возвращаются с едой, с деньгами или с тем и другим, иногда с батарейками. Возвращаются в зловонные запахи серы, высушенной пыли, немых тел, младенческого поноса – самые знакомые и привычные в мире.

Где-то в прошлом, затянутом смутной дымкой, помнятся колокольчики. Колокольчики прицеплены к пальто или, может быть, к пиджаку, надетому на высоком мужчине с большой палкой. К нему надо было приблизиться и вытащить бумажник, не задев колокольчиков. Если хоть один звякнет, по спине бьет палка. У Симоны звякал не один, а пять, порой десять, порой даже не сосчитать. Мужчина не успевал закончить порку, как она отключалась.

Теперь хорошо получается. Они с Ромео составили неплохую команду. Симона, Ромео и пес. Коричневый пес стал их другом. Он живет под свалившейся оградой на краю дороги, которая находится над ними. Симона в голубой дутой безрукавке, обтрепанном разноцветном костюме для пробежек, вязаной шапке, кроссовках; Ромео в куртке с капюшоном, джинсах и тоже в кроссовках; и пес, которого они называли Артур.

Ромео разъяснил, что лучшие туристы – пожилые супруги. Они подходят к ним втроем – Симона, Ромео и пес, – на длину веревочного поводка. Ромео протягивает высохшую руку. Если люди отшатываются с отвращением – покорно уходят. Бумажник старика уже лежит в кармане голубой дутой безрукавки. Если мужчина лезет в карманы за мелочью, Ромео принимает милостыню, а кошелек старушки перекочевывает в сумку Симоны. Если туристы сидят в кафе, можно просто свистнуть со стола мобильник или фотоаппарат и делать ноги.

Музыка сменилась. Запела Рианна. Симона обхватила губами отверстие пластикового пакета, выдохнула и с силой вдохнула.

Легче. Всегда приходит облегчение.

Надежда – никогда.

12

В четверть шестого Линн в третий раз за день сидела в приемной, теперь у консультанта-гастроэнтеролога.

Дочь внезапно вскочила, побрела по приемной, как пьяная, бешено расчесывая руки. Пробыв с ней весь день, Линн точно знает, что она не пьяная. Это симптом болезни.

– Сядь, милая, – озабоченно попросила она.

– Я как бы устала, – заныла Кейтлин. – Обязательно ждать?

– Обязательно надо сегодня встретиться со специалистом. Дело очень важное.

– Ох, а я что, не важная? – криво усмехнулась девочка.

Линн улыбнулась:

– Самая важная на белом свете. Как себя чувствуешь, кроме того, что устала?

– Я боюсь, мам.

Линн встала, обняла ее одной рукой, и, на удивление, дочка не дернулась, не отпрянула. Напротив, прижалась, схватила за руку, крепко сжала.

За прошлый год вымахала на несколько дюймов, Линн еще не привыкла смотреть ей в лицо снизу вверх. В смысле роста явно унаследовала отцовские гены, а тонкий костяк, хоть и очень красивый, больше прежнего напоминает эластичную резиновую куклу.

Одета в излюбленном небрежном стиле – вязаный свитер безобразных серых и ржавых тонов поверх футболки, на шее ожерелье из маленьких камешков на тонком кожаном шнурке, джинсы с обтрепанными обшлагами, старые расшнурованные кроссовки. Вдобавок из-за холода или, может быть, чтобы скрыть живот, вздувшийся, как у беременной, куртка цвета верблюжьей шерсти из бобрика, словно приобретенная на благотворительной распродаже.

Из-под головной повязки с ацтекским рисунком ежиком торчат короткие угольно-черные волосы, пирсинг придает девочке какой-то варварский вид. В подбородке и в языке штифты, в левой брови колечко. В данный момент не видно, но специалист при осмотре, конечно, заметит колечко в правом соске, в пупке и перед влагалищем. В один из редких моментов близости и откровенности с матерью Кейтлин стыдливо призналась, что, когда его вставляли, чувствовала себя довольно *круто*.

Просигналил мобильник. Линн вытащила его из сумочки, взглянула на дисплей. Мэл.

– Привет. Где ты?

– Только что вышли из шлюза в Шорэме. День был поганый – труп вытащили. Рассказывай про Кейтлин.

Линн принялась докладывать о консультации, не спуская глаз с дочки.

– Приблизительно через час буду знать больше. Мы от доктора Хантера сразу направились к специалисту. Долго еще пробудешь в зоне приема?

– Как минимум часа четыре, – ответил Мэл. – Может, дольше.

– Хорошо.

Вышла секретарша доктора Грэнджера, внушительная женщина пятидесяти с лишним лет, с собранными в тугий пучок волосами и холодной сдержанной улыбкой.

– Сейчас доктор вас примет.

– Я перезвоню, – поспешно бросила в трубку Линн.

По мнению Линн, доктора Грэнджера – высокого мужчину за сорок, с крупным носом, редующими волосами, в костюме в полоску с крахмальной рубашкой и галстуком – вполне можно было принять за адвоката благодаря налету высокомерия.

– Садитесь, пожалуйста, – пригласил доктор, открыл коричневую папку, в которой Линн разглядела письмо Росса Хантера, уселся и начал читать.

Дочитав, он подался вперед, выражение лица чуть смягчилось.

– Как себя чувствуешь, Кейтлин?

– Чешусь. Все чешется. Даже губы.

– Еще что?

– Устаю. – Кейтлин вдруг надулась, насупилась, что для нее нормально. – Хотелось бы получше себя чувствовать.

– Случается, что ты теряешь ориентацию, спотыкаешься?

Кейтлин кивнула, закусив губу.

– Полагаю, доктор Хантер сообщил результаты анализов?

– Да, – поспешно ответила Линн. – Он... сообщил нам новости... те... которые вы ему сообщили. Спасибо, что приняли нас так быстро.

– Необходимы срочные действия, – объявил доктор.

– Я как бы не совсем понимаю, что изменилось, – сказала Кейтлин. – Можно разъяснить простыми словами? Типа для *идиотов*?

Доктор улыбнулся:

– Постараюсь. Как тебе известно, последние шесть лет ты страдаешь первичным склеротическим холангитом⁴. Начальная умеренная, можно сказать, ювенильная форма в последнее время стремительно переходит в тяжелую, взрослую. Шесть лет мы старались держать процесс под контролем с помощью медикаментов и хирургического вмешательства, надеясь, что печень сама придет в норму, но такое случается крайне редко, и, к сожалению, в твоем случае этого не происходит. При нынешней степени поражения печени возникает опасность для жизни, если не принять решительных мер.

– Значит, я умираю? – пробормотала Кейтлин неожиданно слабым голосом.

---

⁴ Поражение желчных протоков, вызывающее повреждение печени.

Линн схватила ее за руку, крепко стиснула.

– Нет, милая, нет. Ни в коем случае. Все будет хорошо. – И оглянулась на доктора за поддержкой.

Тот бесстрастно ответил:

– Я договорился, что сегодня вечером тебя примут в Королевской больнице Южного Лондона и обследуют на предмет трансплантации.

– Ненавижу этот отстойник, – фыркнула Кейтлин.

– Эта больница лучшая в графстве, – заявил доктор. – Есть и другие, но отсюда обычно больных направляют в нее.

Кейтлин снова пошарила в сумке.

– Знаете, вечером я как бы занята. Мы с Люком в клуб идем. В музыкальный. Там будет группа, которую я хочу видеть и слышать.

После краткого молчания консультант с удивившей Линн теплотой и заботой, на которую она считала его неспособным, сказал:

– Ты не совсем хорошо себя чувствуешь. Не стоит идти в клуб. Я хочу прямо сейчас отправить тебя в больницу и как можно скорее найти тебе новую печень.

Кейтлин посмотрела на него желтушными глазами:

– Что для вас «хорошо»?

Консультант сморщился в улыбке:

– Действительно, интересуешься моим мнением?

– Да. Что значит *хорошо*, по-вашему?

– Например, для начала, не чувствовать себя больной. Годится?

Девочка пожала плечами, кивнула, осмысливая сказанное.

– Ничего себе.

– Пересадка печени, – продолжал доктор, – даст тебе верный шанс на хорошее самочувствие и возвращение к нормальной жизни.

– А без пересадки? Скажем, вдруг не найдут подходящую печень?

– Тогда, – откровенно признал доктор, – я боюсь, ты умрешь. Думаю, времени мало осталось. В лучшем случае несколько месяцев. Может быть, меньше.

– Умру? – переспросила Кейтлин дрожащим шепотом, потрясенно уставившись в глаза матери. Линн улыбнулась, не в силах в этот момент придумать, что сказать собственному ребенку. – Правда? Мам? Тебе уже сказали?

– Ты очень серьезно больна, дорогая. Если сделать пересадку, все будет хорошо. Ты поправишься. Сможешь жить нормальной жизнью.

– Я в Сеть заходила, – внезапно объявила Кейтлин. – Отыскала все про донорскую печень. Их у мертвых берут, правда?

– В большинстве случаев.

– Значит, в меня вставят печень мертвеца?

– Вообще нет никакой гарантии, что найдется подходящая для тебя печень.

Линн в шоке вытаращила глаза.

– То есть как?

– Вы обе должны усвоить, – сухо и деловито сказал доктор Грэнджер, внушив Линн страстное желание влить ему пощечину, – что трансплантатов мало, а редкая группа крови Кейтлин тем более осложняет проблему. Все зависит от того, удастся ли мне добиться первоочередности. Надеюсь, удастся, хотя у нее формально хроническое заболевание, а приоритетом, как правило, пользуются больные с острой печеночной недостаточностью. Придется добиваться первого места, но шанс есть, так как девочка юная и в остальном здоровая.

– Значит, после пересадки я буду жить с печенью мертвой женщины?

– Или мужчины, – добавил доктор.

– Чего тут хорошего?
– Гораздо лучше другого исхода, детка, – подсказала Линн.
– Значит, печень возьмут у донора?
– Да, – подтвердил Нил Грэнджер.
– Значит, я до конца жизни буду помнить, что ношу в себе орган мертвого человека?
– Могу дать кое-что почитать, – предложил доктор. – В Королевской больнице сможешь обсудить проблему с социальными работниками и психологами. Но запомни одно очень важное обстоятельство. Любимых и родных умерших часто утешает, что они ушли не напрасно, погибли не совсем бессмысленно. Их кончина дала жизнь кому-то другому.

Кейтлин задумалась.

– Обалдеть! Вы хотите пересадить мне печень, чтобы кого-то утешить после смерти дочери или сына?

– Нет, я хочу пересадить тебе печень, чтобы тебя спасти.

– Жизнь убийственная, – пробормотала Кейтлин. – Просто убийственная.

– А смерть еще убийственнее, – заметил консультант.

13

Сьюзен Купер пристально вглядывалась в необъятную черноту за окном, ухватившись за радиатор батареи не ради тепла, а просто для поддержки обессилевшего тела.

Шоковое оцепенение. Невозможно поверить в случившееся.

Она мысленно перечислила всех, кому следует позвонить, смертельно боясь сообщить известие брату Ната, его сестре в Австралии и друзьям. Родители умерли, не дожив до шестидесяти – отец от инфаркта, мать от рака, – и Нат постоянно шутил, что ему не дотянуть до седин. Ничего себе шуточки.

Сьюзен повернулась, потащила к реанимационной палате, позвонила, сестра ее впустила. В палате гораздо теплее, чем в коридоре, – здесь поддерживается постоянная температура в 34–35 градусов, чтобы пациенты в пижамах или вообще обнаженные не простудились. По злой иронии судьбы, снова подумала она, прежде сама работала сестрой в этом самом отделении. Здесь же познакомилась с Натом.

Она ощутила толчок. Малыш брыкается. Их ребенок. Сын, мальчик. Шесть месяцев. Повернув направо мимо центрального поста, где кто-то оставил на стуле протез ноги, услышала шорох. Вгляделась в дальний угол палаты – сердце упало. Сестра задернула синюю занавеску у койки № 14. У койки Ната. Спрятала его от любопытных глаз. Врачи готовятся к новым анализам, а у Сьюзен никаких сил не хватит при этом присутствовать. Хотя она почти целый день просидела около Ната и вполне понимает, что должна и дальше оставаться рядом. Должна разговаривать с ним. Надеяться.

У него множественные тяжелые травмы, в том числе черепа, повреждение шейного отдела позвоночника – даже если он выживет, то навсегда останется парализованным, – переломы правой ключицы и тазовой кости, в данный момент практически несерьезные.

Она очень давно не молилась, а сегодня без конца повторяет про себя:

Пожалуйста, боже, не дай ему умереть. Пожалуйста, боже...

Сьюзен прошла по сверкавшему полу мимо чудовищно толстой женщины справа, словно состоящей из валиков жира. По словам знакомой сестры, женщина весит тридцать девять стоунов⁵. На спинке койки табличка с надписью «Не кормить!».

Слева – сплошь опутанный трубками и проводами мужчина за сорок с алебастровым цветом кожи. Наверняка только что после шунтирования, заключила по опыту Сьюзен. На

---

⁵ Около 250 кг.

столике рядом большая веселая открытка с пожеланием выздоровления. Его хоть починили, дали хороший шанс выйти отсюда на собственных ногах, а не выехать вперед ногами. В отличие от Ната.

Состояние Ната целый день ухудшалось, и, хотя она еще цепляется за отчаянную и неуклонно тающую надежду, приходится осознать устрашающую неизбежность.

На мобильник, переключенный на вибрационный сигнал, чуть не каждую минуту поступает новый вызов. Пришлось выйти из палаты, ответить своей матери; брату Ната, который был здесь утром и теперь ждет известий; их сестре в Сиднее; своей лучшей подруге Джейн, которой Сьюзен утром через час после приезда в больницу сообщила, рыдая, что доктора не уверены в шансах на выживание. Остальных можно проигнорировать. Не хочется отвлекаться, надо быть рядом с мужем, уговаривать его держаться.

На отгороженной занавеской койке, поднятой посередине под углом в тридцать градусов, лежит Нат, похожий на инопланетянина – забинтованный, в проводах, с интубационными трубками во рту и в ноздрях, с воткнутым в голову зондом для измерения внутричерепного давления, с другим зондом в пальце; через паутину внутривенных трубок капают растворы из подвешенных на стойках пластиковых пакетов. Глаза закрыты, он не движется в окружении многочисленных мониторов и жизнеобеспечивающих аппаратов. Справа в стену вмонтированы два компьютерных дисплея, в ногах койки ноутбук на колесном столике, куда заносятся все данные.

– Привет, милый, – сказала Сьюзен, пристально глядя на энцефалограмму. – Я вернулась.

Никакой реакции. Другой конец трубки во рту воткнут в мешочек с краником на дне, наполовину заполнившийся темной жидкостью. Сьюзен прочла ярлычки на шлангах с препаратами: маннитол, пентакрахмал, морфин, мидазолам, норадреналин. Стабилизация состояния. Поддержание жизни. Не дают уйти, и больше ничего.

Лицо Ната в сплошных синяках и порезах приобрело невиданную призрачную белизну. А ведь прежде этот крепкий парень, которому только что перевалило за тридцать, играл в сквош, всегда был румяным, несмотря на тягуче долгие рабочие дни. Сильный, высокий, с длинными светлыми волосами – почти возмутительно длинными для врача – и красивый. Невероятно красивый.

Сьюзен на секунду закрыла глаза, сдерживая подступившие слезы.

Красивый до чертиков... Ну, Нат, милый, давай! Все будет хорошо. Ты выберешься. Я люблю тебя. Очень люблю. Ты мне нужен.

Услыхала толчки в животе и добавила:

Ты нам обоим нужен.

Открыла глаза, присмотрелась к показателям на мониторах, выискивая и не видя ни малейших обнадеживающих признаков. Пульс слабый, неровный, уровень кислорода в крови слишком низкий, мозг едва функционирует. Разумеется, Нат просто спит, с минуты на минуту проснется.

Она торчит тут с десяти утра, примчалась сразу после звонка из полиции. Еще одна насмешка судьбы: на сегодня у нее было назначено ультразвуковое обследование в этой самой больнице. Поэтому ее нашли дома, а не в фирме «Харкурт фармасьютикалс», в группе наблюдения за клиническими испытаниями новых лекарственных препаратов.

Пригодилось знакомство с лабиринтами корпусов, со многими сотрудниками больницы, которые от нее не шарахались, не бормотали общепринятых банальностей, а сразу допустили к медицинской бригаде, которая откровенно выложила ужасную правду.

Сьюзен примчалась в больницу через полчаса после доставки Ната. Ему к тому времени уже сделали томографию и сканирование мозга. Если бы обнаружился тромб, то отправили бы на операцию в неврологическое отделение. Но сканирование показало обильное внутреннее кровоотечение, с которым хирургам нечего делать. Оставалось ждать, наблюдать, хотя мозг

почти наверняка получил необратимые повреждения. Бригада реаниматоров стабилизировала состояние на четыре часа, и за это время не произошло никаких изменений, реакции отсутствуют полностью.

Если оценивать кому по шкале Глазго, налицо три балла из возможных пятнадцати. Зрачки не реагируют ни на боль, ни на словесные команды, ни на нажатие на глазное яблоко, что дает минимальную оценку – единицу. Нат не отвечает ни на какие вопросы, приказы, замечания – тоже единица по вербальному пункту шкалы. Он не чувствует боли – еще единица в оценке моторных реакций. Максимальный показатель пятнадцать. А три – минимальный.

Сьюзен, бывшей медицинской сестре, хорошо известно, что это значит. Жестокие три балла почти стопроцентно указывают, что мозг Ната умер.

Бывают чудеса. За долгие годы работы в реанимации некоторые пациенты с тройкой полностью выздоравливали. Пусть процент крохотный, но Нат сильный, он справится.

Низенькая дружелюбная сестра-малазийка по имени Салеха, просидевшая с Натом весь день, с улыбкой посоветовала:

– Поезжай-ка домой, отдохни.

Сьюзен затрясла головой:

– Надо с ним говорить. Иногда возникает реакция. Сама видела, помню.

– Какую он музыку любит? – спросила сестра.

– «Сноу пэтрол», – ответила Сьюзен, секунду подумав. – «Иглз»...

– Отыщи диски, включи, дай послушать. Есть плеер с наушниками?

– Дома есть.

– Вези сюда. Захвати заодно туалетные принадлежности: мыло, полотенце, зубную щетку, бритву, дезодорант...

– Я не хочу его оставлять, – объявила Сьюзен. – Вдруг что-нибудь случится... – Она содрогнулась.

– Состояние стабильное, – твердо заверила Салеха. – Будем надеяться, к утру произойдет определенное улучшение.

– Будем, – подтвердила Сьюзен сдавленным голосом, устав сдерживать слезы, всматриваясь в лицо Ната, в неподвижные веки, умоляя его шевельнуться, открыть глаза, улыбнуться. Никаких перемен.

14

Вскоре в разных машинах прибыли Дэвид Браун, ответственный за место происшествия, – стройный мускулистый мужчина чуть за сорок с коротко стриженными рыжими волосами и веселой веснушчатой физиономией, в анорাকে на толстой подкладке, джинсах и кроссовках, – и полицейский фотограф-криминалист Джеймс Гартрел, крепкий, высокий, темноволосяй.

Браун согласился с Грейсом, что судно местом происшествия не является, поэтому никто не потрудился надеть защитную одежду. Решено было просто обнести оградительной лентой участок вокруг самой драги.

Небритый капитан Дэнни Маршалл, в яркой куртке поверх толстого пуловера, джинсах и морских сапогах, озабоченно поглядывал на часы. Главный инженер Малькольм Беккет, в грязной белой робе и каске, не так дергался, но Грейс чувствовал напряженность обоих мужчин. Капитан с инженером явно огорошены находкой трупа, но главное, их беспокоят финансовые последствия непредвиденного нарушения расписания.

Подшел один из членов команды с распечаткой, указывающей точные координаты участка морского дна, где тело попало в головку трубы. Лиззи Мантл переписала их в свой блокнот, сунула разграфленный лист в пластиковый пакет для вещественных доказательств,

положила в карман. К телу подвешен тяжелый груз, но известно по опыту, что, несмотря на это, сильные течения способны унести труп на значительное расстояние. Надо поручить бригаде подводников рассчитать вероятную сферу сброса.

Послышался рев мотоцикла. Сотрудница общественной бригады содействия полиции, которую Грейс поставил у трапа, чтобы посторонние не проникли на борт, доложила по рации:

– Фельдшер подъезжает, сэр.

– Иду.

Пока Грейс шагал по палубе, рев мотоцикла усилился, по пристани запрыгал одиночный луч. Через несколько секунд в свете судовых огней показался мотоцикл ««БМВ»» с опознавательными знаками санитарной службы. Водитель – Грэм Льюис – остановился, отбросил ногой подпорку, старательно уравновесил машину, снял шлем, кожаные перчатки, вытащил из багажника медицинскую сумку.

Даже когда у полиции нет никаких сомнений, коронер требует, чтобы квалифицированный медицинский работник официально констатировал на месте происшествия факт смерти, при условии, конечно, если от тела не осталась лишь кучка костей или оно не лишено головы. Раньше для этого вызывали полицейского врача, а теперь заключение делают фельдшеры.

Грейс спустился навстречу Грэму Льюису по шаткому веревочному трапу, прошагал мимо девушки из вспомогательной бригады, с радостью отмечая, что еще не материализовался ни один из местных журналистов, которые обычно появляются в подобных случаях.

Доброе и сочувственное лицо Грэма Льюиса – невысокого жилистого фельдшера с курчавыми седыми волосами – удивительным образом моментально внушало успокоение и уверенность любой жертве несчастного случая. Несмотря на все, что ему ежедневно доводилось видеть на службе, Грэм Льюис был неизменно весел.

– Как дела, Рой? – мимоходом приветствовал он суперинтенданта.

– Лучше, чем у застрявшего в трубе бедняги, – ответил Грейс и подумал, что едва ли будет в этом уверен, если не успеет на прием. – Скорее всего, сумка вам не понадобится. Пострадавший мертвей мертвого.

По раскачивавшемуся трапу он проводил фельдшера на палубу, под свет прожекторов, мимо катушек кабелей, оранжевой ленты конвейера, которая обычно грохочет, переноса груз с палубы в лоток, откуда он будет высыпан на причал.

Стальные щупальца головки трубы, висевшей примерно в двух футах над палубой на противоположном борту, напоминали пару гигантских крабовых клешней. В них зажат кусок черного просмоленного брезента, опутанный веревками. Еще несколько веревок, продетых в глазки в брезенте, обмотаны вокруг шлакобетонных блоков, которые теперь лежат на грязной металлической палубе, окрашенной в оранжевый цвет.

– Труп в обертке, – сообщил Грейс. – Ее разрезали, тело не трогали.

Фельдшер надел латексные перчатки, шире раздвинул края упаковки, открыв неподвижное, почти прозрачное серовато-белое тело. Юноша лет семнадцати-восемнадцати, по всему судя, в воде находился недолго.

К сильному запаху пластика примешивается слабый душок разложения, но не жуткое назойливое гнилое зловоние смерти, которое издавна ассоциируется в сознании Грейса с более или менее старым трупом. Предположительно юноша умер несколько дней назад. Вскрытие точней покажет.

Паренек худой скорее от недоедания, чем от занятий спортом – мускулатура не развита. Рост приблизительно пять футов семь-восемь дюймов, по лицу ничего сказать невозможно. Надо лбом топорщатся короткие пряди черных волос.

Фельдшер слегка повернул голову мертвеца.

– Пока не видно никаких признаков черепной травмы.

Грейс кивнул, сосредоточивая взгляд и мысли на другой части тела – брюшине. А именно на аккуратном вертикальном разрезе от горла до ниже пупка, обрывающемся у густого треугольника лобковых волос и зашитом крупными стежками. Он встретился с фельдшером взглядом и снова принялся разглядывать разрез.

– Что за чертовщина? – пробормотал Грэм Льюис. – Ткани не повреждены... Должно быть, посмертное вскрытие или что-нибудь вроде того.

– Аккуратный разрез, – согласился Грейс. – Хирургический?

– Определенно не рана залатана, – подтвердил Льюис. – Бедняга перенес операцию. Только... – Он замолчал в нерешительности.

– Что? – подтолкнул его Грейс.

– Этот разрез мне решительно напоминает посмертное вскрытие.

– Суперинтендант, скажите, пожалуйста, долго нам еще ждать? – спросил капитан.

– В зависимости от патологоанатома, – сочувственно ответил Грейс, у которого в этот момент зазвонил телефон. – Только нечистого помянешь, тут же объявится, – прокомментировал он.

– Рой, – раздался голос Надюшки Де Санча, патологоанатома министерства внутренних дел, – к огромному моему сожалению, у нас тут срочный случай. Даже не знаю, когда до вас доберусь. Как минимум часа через четыре, если не больше.

– Ладно, я перезвоню, – вздохнул Грейс.

Фельдшер нащупывал у трупа пульс. Обязательная формальность.

Суперинтендант принял решение, отчасти продиктованное стремлением попасть на прощальную вечеринку, но все-таки главным образом реально сложившейся ситуацией.

– Могу вас обрадовать, – объявил он Дэнни Маршаллу. – Назовите фамилии и адреса всех членов экипажа, и вы свободны. – Потом оглянулся на фельдшера. – Переправляйте тело на берег, пусть остается в обертке.

– Ничего, если попозже пришлю заключение? – спросил Грэм Льюис. – Тренирую нынче вечером молодежную команду регбистов.

– Я не знал, что вы тренер по регби. Полицейская команда под моим началом. Нам нужен новый тренер.

– Звякните мне.

– Обязательно.

– Заключение можно представить завтра. – Грейс снова взглянул на разрезанное художавое тело.

Кто ты? Откуда? Кто тебя так? Зачем? Почему?

Вечное почему.

15

Линн ненавидела эту дорогу и в лучшие дни – медленный долгий подъем по шоссе A23 через пригороды столицы к Королевской больнице Южного Лондона на Денмарк-Хилл, где Кейтлин предстоит провести четыре дня на предварительном обследовании.

В последний раз они ехали этой дорогой в апреле, чтоб прикупить в «Икеа» что-нибудь для спальни. Хоть какое-то развлечение, если здравомыслящий человек может назвать развлечением воскресную толкучку в магазине.

Впрочем, после сурового испытания их ожидала награда, для Линн фактически двойная, – Кейтлин не просто ела «нездоровую», по ее твердому убеждению, пищу, от которой всегда нос воротила, но и сладострастно чавкала, как поросенок.

Пройдя, наконец, бесконечную очередь к кассе, купив тумбочку, лампу, постельное покрывало, обои, занавески, они зашли в ресторан, заказали фрикадельки с молодой картош-

кой и на десерт мороженое. Больше того – купили на ужин хот-доги с горчицей и кетчупом, которые съели прямо в машине, не доехав до дома. Линн почти ожидала, что Кейтлин с минуты на минуту потребует остановиться, выскочит, выплеснет обратно содержимое желудка, а та с ухмылкой сидела, облизываясь, и повторяла: «Ох, какое дерьмо! Жутче даже как бы не бывает!»

Редкий случай – дочка по-настоящему наслаждалась едой, ненадолго внушая надежду на начало нового, лучшего жизненного этапа.

И сейчас рядом высокая подсвеченная дымовая труба «Икеа» с синими и желтыми полосами наверху. Кейтлин на пассажирском сиденье скорчилась над мобильником, сосредоточенно набирает текст. Так и сидит над ним целый час после отъезда из Брайтона, фары встречных машин освещают призрачное желтовато-белое лицо.

– Хочешь фрикаделек, детка?

– Отстой, – сонно пробормотала Кейтлин, не поднимая глаз, будто мать предлагала ей яд.

– Мы как раз проезжаем «Икеа», можно остановиться.

Дочь все тыкала в кнопки.

– Закрыто.

– Без четверти восемь. По-моему, открыто до десяти.

– Фу! Хочешь, типа, меня отравить фрикадельками?

– Помнишь, мы тут закусывали в апреле? Тогда тебе понравилось.

Кейтлин вдруг оживилась.

– Я прочитала в Сети, что фрикадельки напиханы жиром и всяким дерьмом. Знаешь, туда втюхивают даже осколки костей, от которых живот раздувается. А для гамбургеров корову целиком суют в мясорубку. Все идет – голова, шкура, внутренности. Называется чистой говядиной.

– Только не в «Икеа».

– Угу, я и забыла, что для тебя эта шведская барахолка – священный алтарь, благословенный каким-то нордическим богом.

Линн с улыбкой дотянулась до ее руки:

– Все равно лучше больничной еды.

– А то. Не волнуйся, в долбаной больничке я *вообще ничего* есть не стану. – Кейтлин опять застучала по кнопкам. – Все равно только что ужинали.

– Я ужинала, детка. Ты даже не притронулась.

– Ладно, – зевнула Кейтлин. – Врешь. Я йогурт ела.

– Тебе сегодня вечером обязательно надо поесть.

– Зачем?

– Чтобы сил набраться.

– Сил у меня как раз выше крыши.

– Как себя чувствуешь?

– Боюсь. И устала до чертиков.

– Все будет хорошо, дорогая. О тебе позаботятся наилучшим образом.

– Люк сидит в Интернете, кинул сообщение. Девять из десяти человек, которые в Соединенных Штатах ждут пересадки печени, умирают, так и не дождавшись. В Соединенном Королевстве каждый день умирают трое ожидающих. В Америке и Европе в очереди на трансплантацию стоят сто сорок тысяч.

В бешенстве Линн не заметила горящих тормозных огней шедшей впереди машины и ударила по тормозам что было силы, чтобы не врезаться ей в зад.

Пропади пропадом проклятый Интернет! Пропади пропадом придурак Люк! Неужели безмозглому обормоту больше нечего делать, как пугать мою дочь?

– Люк ошибается, – заявила она. – Я говорила с доктором Хантером. Это неправда. Просто некоторых тяжелобольных слишком поздно ставят на очередь. К тебе это совсем не относится.

Она изо всех сил старалась придумать, что еще сказать, не впадая в поучительный тон, но голова внезапно опустела.

– Хочешь, включу музыку, милая? – спросила она наконец.

– Только не тот отстой, что у тебя в машине, – ответила Кейтлин, впрочем, добродушно.

– Может, поищешь что-нибудь по радио?

– Как скажешь. – Дочь дотянулась и включила радио. Зазвучала старая песенка «Сисор систерс» «Не хочу танцевать». – Как бы про меня. Нынче вечером танцев не будет.

Линн криво улыбнулась. В неожиданной вспышке уличных фонарей худенький перепуганный призрак на пассажирском сиденье тоскливо улыбнулся в ответ.

16

– Так-так-так, нетрудно угадать, кто это тут у нас трупных мух обогнал, – проворчал Рой Грейс, проходя вместе с инспектором Лиззи Мантл мимо поста у трапа и с неудовольствием опознавая прибывшего репортера брайтонской газеты «Аргус».

В любое время дня и ночи Кевин Спинелла опережает прочих журналистов, особенно когда слышен душок подозрительной смерти. Или, возможно, душок самой смерти. Может быть, острый нос молодого человека чует смерть с той же четырехмильной дистанции, что и трупные мухи. Либо он нашел какой-то способ взлома новейшей закрытой полицейской радиосети.

Есть подозрение, что у него имеется осведомитель в полиции. Грейс решил с этим как-нибудь разобраться, но в данный момент его мысли заняты совсем другим. Надо как можно скорее попасть на проводы главного суперинтенданта Джима Уилкинсона и выяснить, почему Клио так холодно предупредила о предстоящем не телефонном разговоре.

Что же хочет сказать любимая женщина? Почему говорит как чужая? Собирается бросить его? Нашла себе другого? Решила вернуться к прежнему бойфренду, чокнутому «заново рожденному»⁶ адвокату?

Надо признать, что с ее бывшим мужем, старым итонцем⁷, Грейсу близко даже не сравняться. Клио родилась и выросла совсем в другой среде, принадлежит к другому классу. Интеллектуалка из богатой семьи, получившая образование в частной школе-интернате.

А суперинтендант Рой Грейс – необразованный коп из среднего класса и сын копа из среднего класса. Ни к чему другому никогда не стремился и никем другим быть не хотел. Любит свою работу, товарищей и коллег. Охотно признается, что если бы время повернулось вспять, то остался бы на своем месте.

Может, она догадалась об этом?

Несмотря на все старания хоть отчасти сравняться с Клио в знании философии, которую та изучает в Открытом университете, Рой давно безнадежно отстал. Может быть, она просто решила, что он для нее недостаточно умный?

– Какая приятная встреча, суперинтендант Грейс, инспектор Мантл...

Репортер сверкнул зубами в широкой улыбке и встал прямо у них на дороге. Секунду-другую они простояли так близко, что Грейс уловил аромат мятной жвачки.

– Что привело в гавань двух старших детективов в такой морозный вечер?

---

⁶ «Заново рожденные» – взрослые члены баптистской церкви, сознательно принявшие крещение водой.

⁷ Итонец – выпускник Итона, одной из старейших в Великобритании мужских привилегированных школ.

Журналист с пронзительными глазами на худом лице, с модной короткой стрижкой, одет в бежевый прорезиненный макинтош с поднятым воротником поверх тонкого летнего костюма со старательно завязанным галстуком, обут в дешевые скрипучие черные туфли.

– Не совсем подходящий наряд для рыбалки, – ехидно заметила Лиззи Мантл.

– Я скорей собираюсь выуживать факты, – отпарировал репортер и вопросительно вздернул брови. – Или, может, *высасывать* с морского дна? – Он на секунду оглянулся на отъезжавший фургон из морга и снова обратился к детективам: – Можете прокомментировать?

– Не сейчас, – отрезал Грейс. – Возможно, после вскрытия, на завтрашнем брифинге, если буду его проводить.

Спинелла выхватил блокнот, развернул.

– Очередной «поплавок». Можно на вас сослаться?

– Извините, никаких комментариев.

– Захороненный в море покойник?

Грейс решительно направился к машине. Спинелла засеменил за ним, стараясь не отстать.

– Как-то странновато, правда, что к нему прицеплены шлакоблоки?

– Вы знаете номер моего мобильного. Позвоните завтра около полудня, – отмахнулся суперинтендант. – Может быть, к тому времени что-нибудь прояснится.

– Скажем, насчет разреза на теле?

Грейс замер на полушаге, с трудом взял себя в руки.

Откуда настырному сукину сыну об этом известно?

От кого-то из членов судовой команды? Спинелла непревзойденный мастер выкачивать информацию из незнакомых людей.

Репортер ухмыльнулся, с радостью видя недоумение огорошенного детектива.

– Ритуальное убийство? Обряд черной магии?

Грейс торопливо собирался с мыслями, не желая видеть в утренних газетах пугающие сенсационные заголовки. Впрочем, возможно, журналист прав. Очень странное дело с тем самым разрезом. Грэму Льюису он напомнил посмертное вскрытие.

– Хорошо. Вот какое условие. Если вы опубликуете лишь основные факты – драга вытащила неопознанный труп, – я завтра после вскрытия открою вам шлюзы. Годится?

– Откроете шлюзы, – одобрительно кивнул Спинелла. – Вполне уместное выражение, тем более в порту. Мне понравилось. Замечательно. Очень даже неплохо, суперинтендант!

17

Симона промокла и проголодалась. Часами бродит по темным улицам под проливным дождем. Плохое время года – в холод все сидят дома, почти нет туристов. Остается надеяться, что с приближением Рождества, когда толпы народу ринутся за покупками, добыча станет богаче.

Нет даже растворителя, чтобы разжать когти голода. В начале вечера поскандалили с Ромео, подрались за последнюю бутылку, уронили на землю, содержимое вылилось в сточную канаву. Он ушел вместе с псом и остатками растворителя, не желая мокнуть под дождем. Голодная Симона не хочет возвращаться в подземную дыру, пока не раздобудет какую-нибудь еду. Вдобавок там младенец вопит пуще прежнего.

Со вчерашнего дня она съела только пару тоненьких, как спички, чипсов из выброшенной картонки на тротуаре возле «Макдоналдса». Выпрашивала милостыню у дорогого с виду ресторана, умирая от обжигающих запахов чеснока и жареного мяса, но выходившие люди – сухие, довольные – садились в машины не глядя, как будто она невидимка.

Мимо едут автомобили, такси и фургоны. Промокшие кроссовки шлепают по лужам – и ладно. Впереди на Северном железнодорожном вокзале наверняка сухо. Наверняка там толкуются друзья и знакомые, пока их не вышвырнет в полночь полиция. Может, дадут поесть. Может, удастся свистнуть шоколадный батончик в каком-то еще незакрытом ларьке.

Она поднялась по ступенькам в просторный, скупо освещенный зал бухарестского Северного вокзала. В лужах на полу фантастически отражается верхний свет белых ламп, тянущихся парами в дальний конец. Прямо перед глазами огромное электронное табло с крупной надписью «Отправление». На круглых часах 23:36.

Перед закрытым кафе с синей вывеской с белыми буквами «Метрополь» сидит на полу бородатый старик в вязаной шапке, лохмотьях, резиновых сапогах и потягивает из бутылки спиртное. Рядом лежит грязный спальный мешок, остальное имущество, видно, хранится в брезентовой торбе. Старик ее узнал, приветственно кивнул, она тоже кивнула в ответ. Все бездомные знают друг друга в лицо, но не по именам.

Дальше слева со скучающим видом курят два индюка, как здесь зовут полицейских, молодые, зловещие, в ярких желтых куртках. Ждут полуночи, чтобы вытащить дубинки и очистить вокзал от бродяг.

Дальше справа ярко освещенный кондитерский киоск с кофейным автоматом, на котором сверху написано «Нескафе». С обеих сторон от голубого прилавка полки с безалкогольными напитками и пивом. Симпатичный мужчина лет пятидесяти, в коричневой спортивной куртке, синих брюках, начищенных черных туфлях нагружает пластиковые мешки пачками печенья, конфет, шоколадок, орешков, банками с газировкой.

Симона постояла, прикидывая, не удастся ли что-нибудь стибрить, но хозяин киоска, приметив, следил за ней из-за прилавка, как ястреб. Если даже не поймает, то индюки точно достанут, а терпеть побои не хочется. Хоть в тюрьме сухо и кормят, оттуда обязательно отправят в заведение.

В заведении она ходила в школу, и ей это нравилось. Она любит учиться и знает, что надо учиться, если хочешь когда-нибудь изменить свою жизнь. А само заведение ненавидела. Ненавидела других девчонок – настоящих сук, извращенца директора, который ее бил за отказ взять в рот член, запирали в темной комнате, где скреблись крысы.

Нет, туда она ни за что не вернется.

Выйдя на платформу, Симона остановилась, глядя на хвостовые огни отходившего поезда. Одиноким уборщик в светящейся желтой куртке, как у индюков, возил шваброй по мокрым блестящим плитам.

Нахлынула волна радости при виде знакомых фигур, скорчившихся за бетонным пилоном, – шесть знакомых лиц, семь, если считать младенца.

Высокий тощий Тавиан, смуглый, как цыган, улыбнулся Симоне. Он всегда улыбается. В мире бездомных мало кто улыбается, поэтому Симоне нравится этот девятнадцатилетний юноша с худым симпатичным лицом, теплыми карими глазами под густыми мужскими бровями, в синей вязаной шапке с ушами, военной камуфляжной куртке поверх серой нейлоновой ветровки, под которой еще что-то надето в несколько слоев. У него на руках спящий младенец в вельветовом комбинезоне, завернутый в одеяло, – его третий ребенок. Двух первых забрали в заведение.

Рядом стоит мать ребенка, крохотная, до сих пор пухленькая после беременности Сиси лет семнадцати, по прикидке Симоны, которая тоже всегда улыбается, будто жизнь – смехотворная до смерти фишка. На ней объемная куртка с капюшоном в белую и синюю полосу, широкие зеленые спортивные штаны и новенькие белые кроссовки, явно только сегодня украденные. Круглое лицо отечное, двух передних зубов не хватает. При виде Сиси вспоминаются изображения эскимосов на уроке географии в школе.

Имена других неизвестны.

Унылый мальчишка лет тринадцати, в вязаной лыжной шапочке, безразмерной черной куртке, джинсах и кроссовках всегда держит руки в карманах. Рядом с ним другой, который мог бы быть его старшим братом, с мордочкой как у хорька, жидкими усиками, торчащими светлыми волосами, сейчас приглаженными дождем, с самокруткой в зубах.

Еще две девушки. Старшая, лет двадцати пяти, тоже смахивает на цыганку, с длинными обвисшими темными волосами и сморщившейся от многолетней жизни на улице кожей. Другая, двадцатилетняя – хоть на вид вдвое больше, – в куртке с оторочкой из овечьей шерсти и теплых штанах, держит в одной руке сигарету, в другой пластиковый пакет с бутылкой растворителя, подносит горлышко к носу, вдыхая и выдыхая с закрытыми глазами.

– Привет, Симона! – Тавиан дружески протянул руку.

Она шлепнула по ладони всей пятерней.

– Как дела? Где Ромео?

Симона пожала плечами:

– Видела сегодня. Как вы? Как малыш?

Сиси улыбнулась, но промолчала. Она вообще редко говорит. Тавиан ответил:

– Позавчера хотели забрать, мы удрали.

Симона кивнула. Власти всегда забирают младенцев. Пристраивают в какой-нибудь государственный приют. Вроде тех, откуда она лет примерно с восьми без конца удирает. Вот уже года три-четыре умудряется жить на свободе.

– Нашли новую ночевку? – поинтересовалась Симона.

Улыбка Тавиана угасла, он покачал головой:

– Нет. Индюки в последнее время совсем оборзели. Колотят, прогоняют. Делать им, видно, нечего – всю ночь за нами гоняют.

– Те, что ребенка хотели забрать?

Тавиан вытащил из коробки смятый окурок, прикурил, легонько качая младенца свободной рукой.

– Нет. Те были из какой-то специальной службы.

– Знаю одно хорошее место у трубы отопления, – сообщила Симона.

Тавиан равнодушно пожал плечами:

– Ничего, обойдемся.

Эту компанию никогда не понять. Они ничем не отличаются от Симоны, имеют не больше ее. В каком-то смысле ей даже лучше – есть куда пойти, есть что-то вроде дома. А эти кочевники спят где придется – в переулках, под козырьками у дверей магазинов, просто под открытым небом, прижимаясь для тепла друг к другу. Про трубы отопления знают, но никогда возле них не живут. Для Симоны они такие же чужаки, как и все прочие.

Например, мужчина средних лет, который подходит с набитыми доверху сумками. Тот самый, которого она видела у кондитерского киоска.

– Вижу, вы голодные, я вам еды принес, – сказал мужчина со слегка самодовольной улыбкой, которая сразу насторожила Симону, и протянул сумки.

Вся компания сразу ринулась, затолкалась. Мужчина крепкого сложения, лицо приятное, искусно подстриженные волосы, наблюдает за ними с большим интересом. На нем белая рубашка без ворота, коричневая куртка и синие брюки, а еще дорогие, до блеска начищенные туфли, только почему-то в такую холодную ночь он без пальто, которое явно мог бы себе позволить.

Удерживая при себе одну сумку, мужчина дождался, пока суета стихла, все разошлись, разглядывая неожиданно принесенные ветром богатства, после чего предложил Симоне бесценный клад из конфет и печенья.

– Угощайся, пожалуйста, все твое, – сказал он, внимательно глядя на нее.

Она запустила руку, вытащила батончик «Марс», жадно впилась зубами, не сняв обертку. Даже не поверить, как вкусно!

Неожиданно поднялась суета. Ее больно ударили в плечо, она вскрикнула, оглянулась, выронила мешок. Позади стоял индюк с ненавидящей ухмылкой, с поднятой черной дубинкой, чтобы снова ударить. Симона в отчаянии вскинула руки, и удар пришелся по запястью. Судя по боли, рука перебита. Полицейский опять замахнулся.

Индюков было семь-восемь, если не больше.

Послышался звучный удар, Тавиан упал.

– Малыш, мой малыш! – завизжала Сиси.

Дубинка ударила ей прямо в рот, разбив губы.

Удары обрушивались со всех сторон.

Кто-то внезапно схватил Симону за руку и отдернул назад от дубинок. Это был мужчина с мешками сладостей. Длинный костлявый индюк с маленьким крысиным ротиком закрутил дубинкой, собираясь обрушить ее на обоих, и тут мужчина вытащил из кармана куртки пачку денег.

Полицейский ухватил бумажки, махнул рукой и сосредоточился на компании бездомных. С тошнотворным стуком дубинка хрястнула по чьей-то спине.

Симона ошеломленно уставилась на незнакомца, который снова дернул ее за руку.

– Беги за мной, скорее!

Она еще не решила, можно ли ему верить, и вновь оглянулась на свалку. Увидела истерически визжавшую Сиси на коленях с окровавленным ртом, без ребенка; остальные осели на платформе бесформенной грудой под градом ударов. Индюки хохотали, забавляясь, для них это спорт, игра.

Симона в железной хватке своего спасителя скатилась по вокзальной лестнице и под дождем побежала к открытой задней двери большого черного «Мерседеса».

18

По реальному опыту Рой Грейс знал, что проблема шведского стола заключается в поспешном стремлении доверху нагрузить тарелку, не успевая как следует разглядеть, что находится на том самом столе. Только впоследствии, когда в глазах окружающих уже выглядишь отвратительно жадным, впервые замечаешь королевские креветки, спаржу, прочие любимые лакомства.

Впрочем, на проводах Джима Уилкинсона это ему не грозило. Хотя он весь день почти не ел, аппетита не было. Не терпелось затащить Клио в тихий угол, прояснить смысл загадочного и тревожного сообщения, полученного на причале. Но когда он явился в забитое народом бунгало отставного начальника, она увлеченно беседовала с детективами из оперативно-следственного отдела и только мимоходом ему улыбнулась.

Что за чертовщина? Клио нынче красивей прежнего в идеальном для данного случая строгом голубом атласном платье...

– Как дела, Рой? – спросила подошедшая к нему Джули Колл, жена главного суперинтенданта отдела уголовного судопроизводства.

– Спасибо, отлично, – кивнул он. – А у вас? – И вдруг вспомнил, что она в свои годы – в тридцать с лишним лет – недавно сменила профессию, стала квалифицированной стюардессой. – Как летается?

– Потрясающе! Обожаю летать. – Джули ткнула пальцем в блюдо с маринованным луком. – Рекомендую. Джози сама готовит – волшебное.

– Я сейчас вернусь в кресло, подайте подносик на следующем обходе.

– Ох, поганец! – ухмыльнулась Джули. – Сегодня не моя смена. – Она подхватила вилкой две луковицы, пристроила на доверху полной тарелке. – По-прежнему никаких новостей?

Рой нахмурился, не сразу догадавшись, о чем идет речь, потом понял. Как бы он ни старался забыть, никогда не избавиться от постоянных напоминаний о Сэнди.

– Никаких.

– А вон там ваша новая пассия? Высокая блондинка?

Он кивнул, не имея понятия, долго ли упомянутая блондинка останется его пассией.

– Очень даже неплохо смотрится.

Он слабо улыбнулся:

– Спасибо.

– Помните, мы с вами пару лет назад на вечеринке у Дэйва Гейлора говорили о медиумах?

Грейс усиленно напряг память. Кажется, у Джули пропал близкий родственник, и она просила посоветовать хорошего медиума. Разговор смутно помнится, а детали забылись.

– Я только что нашла потрясающую специалистку. Необычайно точные предсказания.

– Кто это?

– Дженет Портер.

Звоночек не прозвонил.

– У меня нет с собой номера телефона, в справочнике найдете. Она живет на побережье, позвоните завтра, я вас ей представлю. Наверняка удивитесь.

Давно уже не сосчитать медиумов, к которым Грейс обращался за девять с половиной лет после исчезновения жены. Почти всех восторженно рекомендовали. Никто из них ничего определенного не сказал. Один заявил, будто Сэнди сотрудничает в духовном мире с неким целителем и с большой радостью воссоединилась с матерью. Неувязочка состояла в том, что мать Сэнди по сей день жива и здорова.

Немногочисленные медиумы, внушавшие доверие, твердо уверяли, что Сэнди нет в мире духов. Это значит, что она жива. Сегодня он пребывает в таком же неведении, как в момент исчезновения любимой жены.

– Спасибо, Джули, я подумаю. Понимаете, как бы решил жить дальше.

– Разумеется, Рой. Понимаю.

Джули отошла, а Грейс ненадолго остался один, не спуская глаз с нового главного констебля Тома Мартинсона, приехавшего в Сассекс лишь несколько недель назад. Надо улучшить момент для беседы. Грейс подцепил кусок ветчины, зачерпнул ложку картофельного салата, съел все это одним махом, поставил тарелку, чтобы с ней не расхаживать. Оглянулся – за спиной стоит Клио со стаканом газировки в руке, улыбается лучезарно, в полном контрасте с холодностью по телефону.

– Привет. Молодец, не слишком опоздал. Как дела?

– Замечательно. Надюшка обещала подождать со вскрытием до утра. А ты как?

Клио кивнула, не переставая улыбаться, предлагая следовать за собой.

Главный констебль направился к шведскому столу. Идеальная возможность для знакомства. Но Клио зовет, манит – не стоит рисковать, вдруг еще кто-нибудь заведет с ней беседу. Отчаянно хочется знать, что случилось. Грейс шел за ней, петляя в битком набитой коллегами оранжерее, приветствуя знакомых коротким кивком. Вечерний воздух в саду за домом показался еще холоднее, чем в гавани. Компания мужчин и женщин наполняла его табачным дымом. Славный запах – будь у него при себе сигареты, закурил бы с большим наслаждением. Страшно хочется.

Клио толкнула калитку, прошла вдоль боковой стены мимо мусорных баков и въезда в гараж, остановилась у «Форда» Уилкинсона. Они наконец оказались наедине.

– Ну, – сказала она, – я хочу сообщить тебе новость. – Вздрогнула, обхватила себя руками, но не от холода, а явно нервничая.

– Говори.

Она снова поежилась.

– Не знаю, как ты отнесешься... – И опять улыбнулась, на этот раз с каким-то детским изумлением и надеждой. – Я беременна.

19

Высокий мужчина поднялся по винтовой лестнице, остановился на миг наверху, удостоверившись, что квитанция на парковку и мытье машины, номерок на пальто в гардеробе надежно уложены во внутренние кармашки бумажника из крокодиловой кожи. Неторопливо, внимательно, на манер полицейского, оглядел роскошный этаж казино «Рандеву».

Тело почти в пятьдесят гибкое, натренированное, грубое морщинистое лицо, редкие угольно-черные волосы гладко зализаны назад. В приглушенном электрическом свете мужчина выглядит привлекательно, среди белого дня похуже. Клетчатая рубашка без ворота под кашемировым черным блузоном, на голой шее массивная золотая цепь, дорогие джинсы, сапоги из змеиной кожи на высоких скошенных каблуках и фирменные солнечные очки, хоть он и в помещении, а время близится к десяти. На одном запястье золотой браслет с крупными звеньями, на другом – большие часы.

Будучи одним из постоянных посетителей казино, он тем не менее озирался, как будто случайно забежавший завсегда у других заведений, гораздо шикарней. Жуя жвачку, осмотрел четыре рулетки, столы для блек-джека, для покера, игровые автоматы. Глаза за темными очками оцептали каждое лицо, оглядели обедавших в ресторане в дальнем конце. Наконец, полностью удовлетворившись, он медленно направился к издавна облюбованному *счастливому* столу.

Колесо рулетки медленно вращалось, шарик катался у ободка. Высокий мужчина бросил на стол пачку пятидесятифунтовых купюр общей суммой на десять тысяч, не сводя глаз с крупье.

Крупье взял пачку, ловко пересчитал, практически без надобности, и без того зная сумму благодаря своему многолетнему опыту.

– Десять тысяч фунтов, – четко провозгласил он для понтера и звукозаписывающей аппаратуры, потом закрутил колесо – по инструкции это следует делать каждые девяносто секунд, – другие игроки потянулись, также ставя свои фишки.

Шарик вброшен.

Сообщение оператора из пункта видеонаблюдения на нижнем этаже прозвучало в наушниках коротко и ясно:

– Клинт явился.

– На обычном месте? – тихонько спросил директор казино, едва шевеля губами.

– За четвертым столом.

Вся трудовая жизнь Кэмпбелла Маколя прошла в казино. Он поднялся по лестнице от крупье до распорядителя, затем до управляющего и в конце концов до всесильного руководителя. Любит свою работу, спокойную и одновременно накаленную атмосферу, деловую сторону игорного бизнеса. Иногда понтерам выпадает крупный выигрыш, иногда их ждет крупный проигрыш, но в целом система на редкость стабильная.

Существуют лишь две проблемы. Во-первых, маньяки, которые разоряются в его и других казино, в конечном счете не принося бизнесу ничего хорошего. И во-вторых, звонки среди ночи в выходные дни, извещающие, что регулярный клиент или случайно заскочивший незнакомец только что сделал крупную ставку – тысяч шестьдесят. При этом частенько это мошенник. Поэтому за подозрительными посетителями ведется наблюдение.

Хороший игрок, досконально знающий правила, способен существенно сократить проигрыш. Опытным любителям блек-джека или игрокам в кости удастся поддерживать приблизительный паритет с казино. Однако большинству клиентов не хватает умения или терпения, и прибыль заведения возрастает с нескольких процентов до приблизительно двадцати от общих ставок.

Всегда безупречно причесанный, Маколей, в обязательном строгом темном костюме, идеально чистой рубашке с элегантным шелковым галстуком и сверкающих черных туфлях, скользил, почти невидимый, по покерным залам на нижнем этаже казино «Рандеву». Сегодня здесь полно народу – проводится очередной регулярный турнир. Только в центральном зале пять столов, за каждым десять игроков. Не особо шикарные, скорее неряшливые, в джемперах, джинсах, бейсболках и мокасинах. Впрочем, все местные, платежеспособные, выкладывают за вход хорошие деньги.

Когда Маколей двадцать семь лет назад начинал карьеру, в казино были приняты строгие правила насчет одежды, и его огорчает нынешняя небрежность. Хотя, стремясь привлечь клиентов, он понял, что надо идти в ногу со временем. Если в «Рандеву» их не примут, то с большой радостью перехватят другие.

Директор быстро прошелся по кухне, где вовсю шла работа, столбом стоял пар, кивнул шеф-повару и кое-кому из помощников, осмотрел поднос с коктейлем из креветок и копченой лососиной, предназначенный для гостиницы, направился оттуда к центральному нижнему залу.

Зал полон – очень хорошо. Почти две трети автоматов в игре. Все столы для блек-джека и покера заняты. Рулетки тоже. Отлично. Перед Рождеством часто бывает затишье, но сейчас бизнес идет в гору – вчерашний доход почти на десять процентов выше, чем на прошлой неделе.

Он прошел мимо каждого стола, по очереди показавшись каждому крупье и распорядителю, потом поднялся в лифте к роскошному директорскому кабинету. Наверху увидел прямо перед собой Клинта, стоявшего, словно дозорный, за своим постоянным столом. Приходит как минимум трижды в неделю, является часов в десять, уходит где-то между двумя часами ночи и четырьмя утра. Прозвище носит с легкой руки помощницы Маколея, Жаклин, которая увидела в нем сходство с актером Клинтом Иствудом.

До запрета курения в общественных местах клиент по прозвищу Клинт, подобно самому актеру в его первых вестернах, всегда держал в зубах тонкую сигару. Теперь жует жвачку. Иногда бывает один, иногда с женщиной – редко с одной и той же, хотя все его спутницы как бы вышли из одной литейной формы. Сегодня в одиночестве. Два дня назад с ним была юная высокая красотка с волосами как вороново крыло, в мини-юбке и кожаных сапогах выше колена. Похоже, как и остальные, снятая на час.

Клинт приезжает в спортивном черном «Мерседесе», дает служителю за парковку и мойку десять фунтов чаевых по приезде и при отъезде, независимо от выигрыша или проигрыша. Ровно столько же выдает гардеробщице на входе и выходе.

От него никогда ничего не услышишь, кроме бурчания и односложных слов, при нем всегда одна и та же сумма наличными. Покупает фишки за столом, а закончив игру, сдает внизу кассиру.

Сегодня купил фишек на десять тысяч, поставил всего на две – все равно в десять раз больше среднего игрока. В игре разбирается, ставки делает крупные, но осторожно, на разные номера, что обеспечивает небольшой выигрыш, но и малый проигрыш. Порой поднимается в верхние залы, иногда остается внизу. Согласно компьютеру, ежемесячно в среднем теряет около десяти процентов от общих ставок. Получается шестьсот фунтов в неделю, значит, в год тридцать тысяч.

Поистине хороший клиент. Но Кэмпбелла Маколея гложет любопытство, и поэтому, когда есть время, он наблюдает за Клинтом на видеомониторе. У него есть какая-то цель, а

какая – понять невозможно. Обчистить казино не намерен, иначе, по мнению директора, давно бы уже это сделал. Шулеров чаще тянет к столам для блек-джека, за которыми легче мошенничать, как показывает многолетний опыт. Отмывание денег – самое вероятное в случае Клинта. Если так, то это не касается директора казино, который к тому же не хочет потерять клиента.

В казино по давней традиции принимают наличные, и служащие не расспрашивают посетителей о происхождении денег. Тем не менее Кэмпбелл звякнул однажды сержанту Вочопу, начальнику лицензионного отдела местной полиции. Скорее чтобы прикрыть свою задницу, если Клинт действительно что-то задумал, чем из чувства гражданского долга. Его первый долг – обеспечивать интересы гигантской компании «Харрас» в Лас-Вегасе, которая бдительно за ним присматривает.

В регистрационной книге Клинт значится под именем Джо Бейкер, поэтому директор сильно удивился, когда начальник лицензионного отдела в качестве ответной любезности сообщил по секрету, что черный спортивный «Мерседес» зарегистрирован на некоего Влада Космеску.

Это имя Маколею ничего не сказало, но давно стояло на записке у Интерпола. Ордера на арест пока не выдано. В полиции нескольких стран оно попросту значится в списке лиц, представляющих интерес.

20

Шофер гулко захлопнул дверцу «Мерседеса». В неожиданной тишине автомобильного салона, на большом мягком сиденье, вкусно пахнувшем кожей, Симона на мгновение почувствовала себя в безопасности. Спасший ее мужчина открыл дверцу с другой стороны и закрыл с таким же гулким стуком.

Сердце ее отозвалось глухим ударом.

Водитель сел за руль, повернул ключ зажигания, автомобиль мягко пошел вперед, рядом послышался звонкий щелчок, как бы от дверного замка. Что это? Кто этот мужчина?

Отгороженный от нее широким подлокотником, он с улыбкой спросил мягким успокоительным тоном:

– Ну, цела?

Симона кивнула, совсем сбитая с толку развитием событий в последние пять минут.

– Голодная?

Она еще слегка опасалась, ей все так же не нравилось самодовольное выражение лица незнакомца, но на плохого человека он не похож. Иногда встречаются богатые люди, дают денег, еду. Не часто, но бывает. Похоже, именно такой случай.

– Как тебя зовут?

– Симона.

– Чего хочешь съесть? Что особенно любишь?

Она пожала плечами, не зная, что особенно любит. Никто никогда не спрашивал.

– Мясо? Свинину?

– Угу, – нерешительно подтвердила Симона.

– Картошку? Жареную колбасу?

Она снова кивнула.

Мужчина потянулся к стоявшему перед ним мини-бару, достал стакан, плеснул туда виски и сунул ей в руки. Она сделала долгий глоток, изумленно застыла, почуввав огонь, обжигающий горло. Через минуту внутри разлилось приятное тепло. Симона вытянула ноги, еще хлебнула, допила до дна.

Однажды она пробовала виски – Ромео украл в магазине бутылку, – но это гораздо вкуснее.

Мужчина ответил на звонок мобильного, обсуждая деловые вопросы с кем-то в Америке, опять налил стакан.

Шофер молча вел машину. Волосы подстрижены так коротко, что остался лишь легкий пушок. В свете фар встречной машины Симона разглядела татуировку. Змея с раздвоенным языком вылезает справа из-под воротничка рубашки, обвивает шею, тянется к подбородку, готовясь к броску. Мимо проплывают огни Бухареста, дождь мягко стучит в стекла.

Она никогда не была в самолете и теперь гадала, не так ли себя чувствуют люди в полете. Из динамика за головой льется музыка, поет какой-то мужчина, англичанин или американец, точно не скажешь. Звучный вкрадчивый голос выпекает: «Впитываю тебя всей кожей», но Симона не понимала смысла английских слов.

Посмотрела в окно, стараясь сообразить, где находится. Мимо проплывает огромный дворец, выстроенный, по словам Ромео, для бывшего президента. Ромео сказал также, что дворец называется «Народным», только она ни разу там не была. Дворец существует в другом мире, принадлежит другим людям, точно так же, как этот непостижимый и недоступный автомобиль и его владелец, точно так же, как непонятная песня.

Виски устроило все самым лучшим образом. Ей все больше нравился мужчина, машина, город, по которому она недавно слонялась, замерзшая и голодная. Теперь это ушло в прошлое. Возможно – *возможно*, – мужчина поможет ей изменить жизнь.

Вскоре автомобиль свернул на незнакомую улицу, притормозил, въехал в открывшиеся ворота, остановился перед освещенным подъездом высокого дома.

Шофер открыл дверцу со стороны Симоны, забрал у нее пустой стакан. Опьяневшая, она вышла под ветер и дождь, пошатываясь на нетвердых ногах. Мужчина обхватил ее за плечи и осторожно повел по каменной лестнице к парадной двери, которую открыла женщина средних лет в форменной одежде – видно, прислуга.

В холле, как в музее, пахло политурой.

– Ее зовут Симона, – объявил мужчина. – Накормите и приготовьте горячую ванну.

Женщина ласково улыбнулась:

– Пойдем со мной. Сильно проголодалась?

Девочка кивнула.

Коридор с мраморным полом, увешанный с обеих сторон красивыми картинами, привел в необъятную современную кухню. Симона с восторженным изумлением оглядывалась по сторонам. Она никогда не бывала в таком потрясающем доме, как на картинках в журналах, которые показывали в одном заведении.

Женщина усадила ее за стол, принесла обалденную, сроду невиданную еду. Жареное мясо и колбаса, сало, сыр, маринованная дыня, помидоры, картошка, большие хрустящие рога-лики, бутылка кока-колы...

Симона набивала рот обеими руками, боясь, что сказка вот-вот кончится. Севшая напротив женщина молча смотрела, одобрительно кивая время от времени.

– На улице живешь?

– У трубы отопления, – объяснила она с набитым ртом. – Там хорошо.

– Есть нечего?

Симона энергичным кивком подтвердила.

– Когда в последний раз мылась?

Она пожалала плечами, прожевывая хрустящую мясную корочку. Когда мылась? С последнего побега из приюта прошли годы. Когда не слишком холодно, подмывалась водой из бутылки, набранной в городских колонках.

Переполненный живот заболел, голова закружилась, подступила легкая тошнота.

Женщина встала, жестом приказала следовать за ней. Симона вытерла руки о спортивные штаны и пошла по широкой мраморной лестнице и дальше по просторному коридору с картинами, к ванной, на пороге споткнулась и остолбенела.

Невероятная красота, роскошь, размеры. Невероятно, что она здесь стоит. На потолке нарисованы ангелы в облаках, стены и пол выложены черно-белой мраморной плиткой, посередине огромная ванна на несколько человек, в которой пузырится, булькает вода, вокруг расставлены на постаментах обнаженные мраморные мужчины и женщины.

– Ох, красота! – прошептала Симона.

Женщина улыбнулась:

– Повезло тебе, девочка. Господин Лазарович хороший человек. Всем помогает. Он очень хороший.

Она сняла с нее одежду, окунула с головой в горячую – даже слишком горячую – воду, намочила волосы, капнула, вспенила душистый шампунь, смыла и вновь проделала ту же самую процедуру.

Расслабившись от еды и от виски, почти засыпая, Симона лежала в несказанном блаженстве, глядя на ангелов и гадая, не так ли живут эти самые ангелы. Чуть ли не потеряла сознание, пока женщина ее намыливала и споласкивала, потом помогла вылезти из ванны, завернула в большое мягкое белое полотенце, старательно вытерла насухо и повела в роскошную спальню, которая была еще великолепнее ванной.

Главный предмет – гигантская кровать с пологом. Симона изумленно разглядывала эротические картины на стенах – женщины, мужчины, в одиночку и парами. Мужчина с женщиной занимаются любовью. Две женщины занимаются оральным сексом. Двое мужчин занимаются содомией. Еще в спальне высокие окна до потолка с пышными складчатыми гардинами, шезлонг и другие чудесные вещи.

– Нравится? – спросила женщина.

Симона с улыбкой кивнула.

Женщина сняла с нее полотенце, уложила на белые шелковые простыни и ушла.

Вошел мужчина, который ее сюда привез, – господин Лазарович. Голый под черным шелковым халатом, распахнутым спереди. Под заметным брюшком торчит возбужденный член.

– Ну как ты, прелестный ангел с Северного вокзала? – пропел он, направляясь к кровати. Расслабленность сменилась тревогой.

– Классно, – пробормотала Симона. – Большое спасибо за все. Я устала.

Член прикоснулся к левой щеке.

– Отсоси, – неожиданно приказал господин Лазарович.

Она внутренне ошетилилась. Под глазами у него лежали темные круги, зрачки были зловещными, чернильно-черными.

– Отсоси, – вновь потребовал он. – Разве ты мне не благодарна? Не хочешь проявить благодарность?

Он залез на кровать и пристроился прямо над ее лицом. Правой рукой она испуганно и осторожно направила вставший член к себе в рот. Вкус сладковатый, затхлый.

Получила обжигающую пощечину.

– Соси, сучка!

Она обхватила член губами, принялась облизывать.

– У-у-ух, паскуда, хочешь, чтоб я тебе зубы повыбивал?

Симона вмиг отрезвела.

Господин Лазарович вдруг толкнул ее в подбородок и высвободился.

– Сучонка неблагодарная!

Схватил за плечи, грубо перевернул, уткнул лицом в подушку – она вскрикнула от боли, боясь, как бы он ее не задушил. Пальцы полезли во влагалище, потом в задний проход. Туда

же попытался протиснуться член, ее чуть не стошнило. Визжа от боли, она чувствовала, как он продвигается дальше и дальше.

– Нет!.. Гогу! – кричала Симона, захлебываясь желчью.

Казалось, она разрывается пополам.

Дальше, дальше.

Она отчаянно вертела головой, выворачивалась, пробуя освободиться. Он схватил ее за мокрые волосы, прижал к подушке с такой силой, что было почти невозможно дышать. Дальше, дальше.

Она задыхалась, плакала, кричала, звала Гогу, боролась, несмотря на боль. Боролась, чтобы дышать.

– Вот тебе, сучка неблагодарная, – прошептал он ей в ухо.

Она повернула голову, хватая ртом воздух, крича в агонии.

– Вот тебе, сука, – шипел он.

Она завизжала, он ткнул ее лицом в подушку, преградив доступ воздуха. Симона силилась поднять голову, но он держал крепко. Сквозь боль нахлынула паника. Она затряслась от удушья, грудь разрывалась. Он рванул ее за волосы, впился поцелуем в губы, и она всасывала воздух из его легких.

Он отстранился.

– Скажи, что тебе нравится. Скажи, что ты мне благодарна. – Он крепко прижался лицом к ее щеке. – Скажи, что благодарна мне за спасение. Скажи! Скажи спасибо!

– Ненавижу! – выдохнула она.

Он воткнул большой палец ей в щеку, ударил кулаком в глаз. Схватил обеими руками за волосы, чуть не выдрав, и держал, выливая сперму. Тогда ее стошнило по-настоящему.

Через какое-то время – потеряв ощущение времени, – Симона снова сидела на заднем сиденье большого черного автомобиля. Играла та же музыка, которую она слышала прежде, тот же звучный голос пел те же слова, не имевшие для нее смысла: «Впитываю тебя всей кожей».

За окнами пролетает та же бухарестская ночь. Все болит жуткой болью. Лицо распухло, голова раскалывается. На Северном вокзале она чувствовала себя грязной с головы до ног. Теперь снаружи чистая, внутри грязная. Липкая.

Хочется плакать, только слишком больно. И не хочется, чтобы водитель со змеиной татуировкой, который по-прежнему молча сидит за рулем, но без конца поглядывает на нее в зеркало и улыбается гадкой улыбкой, принял слезы за знак поощрения.

Хочется только попасть домой. К Ромео, псу, плачущему младенцу. К людям, которые о ней беспокоятся. К своей семье.

Шофер остановил машину. На незнакомой улице темно. Он открыл заднюю дверцу, влез, придвинулся к ней, держа в руке деньги, ухмыльнулся.

– Хорошие деньги...

Сунул бумажки ей в руку, расстегнул «молнию» на ширинке. Симона таращила глаза, пока он вытаскивал из трусов вставший член. Смотрела на татуировку, на изготовившуюся к броску змею, выползавшую из-под воротника рубашки.

– Хорошие деньги, – повторил он, схватил ее за волосы, как тот, другой мужчина, пригнул лицом к члену.

Она взяла в рот головку, изо всех сил куснула, почувствовав вкус крови. В ушах зазвенело от мужского вопля. Симона рванула ручку дверцы, вывалилась и побежала в ночь.

На бегу в слепой панике она не замечала, что черная машина рывками следует за ней, держась на безопасном расстоянии.

21

Покружившись какое-то время по беспорядочно застроенной территории Королевской больницы Южного Лондона, Линн в отчаянии остановила «Пежо» у отделения «Скорой помощи».

Она растерянно оглядывала окружающие корпуса. Нужный корпус Росслин, куда, согласно полученному разъяснению, можно попасть через корпус Баннермана, нигде не упоминался.

– По-моему, мы не туда попали, – объявила Кейтлин, не отрывая глаз от дисплея, с лихорадочной сосредоточенностью тыкая в кнопки.

– Думаешь? – добродушно переспросила Линн, хотя в душе царило отчаяние.

– Угу. Если б попали туда, тогда там бы и были, правильно?

Несмотря на страх, усталость, растерянность, Линн насмешила забавная логика дочери.

– Разумеется, правильно.

– Я всегда права. Просто спрашивай. Я как бы, типа, оракул.

– Наверное, оракул сказал бы, куда теперь ехать.

– Для начала давай задний ход.

– Где же Баннерман, черт побери?

Кейтлин покосилась на нее от дисплея:

– Остынь, женщина. Знаешь, это вроде игры по телевизору.

– Терпеть не могу этого выражения!

– Про игру по телевизору? – поддразнила ее дочка.

– *Остынь, женщина!* Мне неприятно.

– Ну ты здорово завелась. Теперь меня заводись.

Линн оглянулась и снова дала задний ход.

– Жизнь – игра, – провозгласила Кейтлин.

– Игра? Что это значит?

– Просто игра. Выиграл – живешь, проиграл – умираешь.

Линн резко затормозила и повернулась к Кейтлин:

– Ты в самом деле так думаешь, милая?

– Угу. Моя новая печень как бы спрятана в лабиринте. Ее надо найти. Если найдем вовремя, буду жить. Если нет – полный облом.

Линн фыркнула, обняла дочь за плечи, притянула, чмокнула в висок, вдохнув запах шампуня и геля.

– Господи боже, до чего я люблю тебя, детка!

Кейтлин передернулась и невозмутимо заметила:

– Да, я заслуживаю настоящей любви.

– Иногда, – поправила Линн. – Только время от времени.

Девочка равнодушно кивнула и вновь начала набирать сообщение.

Линн доехала задним ходом до Денмарк-Хилл, направилась вперед, отыскав подъездную дорожку, где наконец увидела указатель к корпусу Баннермана. Через пару минут, с вещевой сумкой, она вошла в подъезд с колоннами. Кейтлин, в зеленовато-желтой куртке с капюшоном, полосатых джинсах с обтрепанными обшлагами и расшнурованных кроссовках, тащила следом.

Парные вертикальные таблички из органического стекла извещали, что здесь находится Королевская больница Южного Лондона. В ожидании Линн оглянулась вокруг.

Озадаченный с виду мужчина с красным вещевым мешком в одной руке и с черной сумкой в другой идет куда-то, шаркая тапочками. Слева в зале ожидания сбились в кучку люди

– старик в инвалидной коляске; другой, в тубетейке и спортивных штанах, сгорбился на зеленом стуле, опираясь на трость; юнец в серой куртке с капюшоном и джинсах поглощен тем, что льется ему в уши из наушников; молодой человек в голубой футболке, джинсах и кроссовках скорчился на скамье, в отчаянии зажав руки между коленями, как бы ожидая кого-то или *чего-то*. Чуть дальше магазинчик, нечто вроде супермаркета с цветами и сладостями. Пожилая женщина в нейлоновом костюме с подсиненными волосами открывает шоколадный бар. Атмосфера пропитана ночной усталостью, молчаливым страданием.

Дежурная за справочным столом приветливо взглянула на Линн:

– Чем могу помочь?

– Спасибо. Нас ждет Шерли Линсел в корпусе Росслин.

– Фамилия?

– Беккет. Кейтлин Беккет. А я ее мать, – представилась Линн.

– Сейчас сообщу. Поднимитесь на лифте на третий этаж, она вас там встретит. – Женщина махнула рукой, указывая на коридор.

В конце коридора находился лифт со стальными дверцами, залитыми радужным сиреневым светом, напоминающим не то дискотеку, не то декорации к фантастическому фильму.

Кейтлин оторвалась от дисплея, одобрительно кивнула:

– Круто, – и взволнованно выдохнула: – Слушай, мам, тут разгадка!

– Какая? – переспросила Линн.

Дочка затрясла головой.

– Типа силового поля в «Звездном пути». – Она загадочно усмехнулась. – Все это как бы для нас специально устроено.

Линн вопросительно на нее посмотрела:

– Допустим. Но зачем?

– На третьем этаже узнаем. Там будет очередная подсказка.

В медленно поднимавшемся лифте Линн радовалась, что Кейтлин оживилась, воспрянула духом. Настроение у нее всегда резко меняется, а в последнее время особенно.

На третьем этаже их встретила женщина тридцати с лишним лет, с классическим симпатичным английским румяным лицом, обрамленным длинными темными волосами, в белой блузе и черных брюках. Она тепло улыбнулась Кейтлин. Линн обратила внимание на лопнувший сосудик в ее левом глазу.

– Кейтлин? Привет! Меня зовут Шерли, я твой координатор. Буду за тобой здесь присматривать.

Девочка ее внимательно оглядела, ничего не сказала, вернулась к своим бесконечным телефонным текстам.

– Вы Шерли Линсел? – уточнила Линн.

– Да. А вы Линн, мама Кейтлин?

– Рада познакомиться, – улыбнулась Линн.

– Провожу вас в палату. Кейтлин, ты несколько дней пробудешь в отличной одноместной палате, и для вас, миссис Беккет, приготовлено спальное место. Ну а теперь задавайте вопросы, – добавила женщина, обращаясь к обеим, – пожалуйста, спрашивайте обо всем, что хотели бы знать.

– Я умру? – спросила Кейтлин, не сводя глаз с дисплея.

– Что ты, милая, конечно, нет, – всполошилась Линн.

– Я не тебя спрашиваю, а Шерли, – отрезала дочь.

На миг смутившись, координатор уточнила:

– Почему ты так думаешь?

– Я была бы полной идиоткой, если б не думала, правда?

Рой Грейс следовал за хвостовыми огнями мчавшейся впереди черной «Ауди». Видно, Клио понятия не имеет об ограничении скорости. Равно как и о сигналах светофора.

Черт побери! Он вдруг испугался. В несущемся на запредельной скорости автомобиле находится не только Клио, но еще их ребенок.

Он остановил у светофора казенный «Форд Фокус» без опознавательных знаков. Сердце бешено колотилось, хотелось окликнуть Клио, приказать сбросить скорость. Бесплезно – она вечно так ездит. За пять месяцев их связи выяснилось, что она водит машину гораздо рискованнее, чем его друг и коллега Гленн Брэнсон, который сдал недавно экзамен по скоростному преследованию и при каждой возможности демонстрирует Рою свое мастерство за рулем – или, скорее, отсутствие оногo.

Зачем так бесшабашно рискует рассудительная и пунктуальная Клио? Если рассуждать логично, понятно, что работники морга, почти ежедневно имеющие дело с исковерканными трупами жертв дорожных происшествий, должны водить машину с особенной осторожностью. Однако доктор Найджел Черчмен, консультант-патологоанатом Брайтона и Хоува, переехавший недавно на север, по выходным участвовал в автогонках. Возможно, решил Грейс, работая в такой близости к смерти, начинаешь испытывать желание бросить ей вызов.

Светофор переключился. Убедившись, что патрульные не преследуют проскочившую Клио, он проехал перекресток и прибавил скорости, помня, впрочем, о камерах наблюдения на следующем отрезке. Клио полностью игнорирует всякие ограничения. Его это пугает. Даже невозможно подумать, что с ней может что-то случиться.

После исчезновения Сэнди он почти десять лет не завязывал серьезных отношений с женщинами, пока не появилась Клио. Все это время отчаянно разыскивал пропавшую жену, ожидал известий, надеялся на звонок, надеялся, что в один прекрасный день она вернется в их дом. А теперь положение дел иное. Он любит Клио так же, если не больше, чем Сэнди. Даже если она вдруг объявится, преподнеся любые объяснения, вряд ли он ради нее откажется от Клио, потому что душой и сердцем уже живет дальше.

И вот невероятная новость – Клио беременна! Шесть недель. Говорит, накануне получено подтверждение. Она носит его ребенка. Его ребенка.

Ирония судьбы. За время их совместной жизни Сэнди не могла зачать. В первые годы они об этом не задумывались, решив чуть подождать, прежде чем заводить полноценную семью. А когда попытались, ничего не вышло. Ей назначили курс лечения, хоть и предупредили, что шансов меньше пятидесяти процентов. Она огорчилась, чувствуя себя ущербной. Сэнди всегда старалась взять на себя ответственность. Возможно, поэтому тоже любила быструю езду, самостоятельно распоряжаясь дорогой. Именно она обставила дом в минималистском стиле дзен, разбила сад, устраивала их совместные поездки. Иногда кажется, что бесплодие угнетало ее сильнее, чем его. Может, в этом причина исчезновения?

Очень много безответных вопросов.

Теперь пустота в его жизни заполнилась. Близость с Клио подарила счастье, в которое он перестал уже верить. И в новое событие трудно поверить!

Впереди видна ее машина, на этот раз остановившаяся у светофора на пересечении с Шерли-Драйв, где установлена камера наблюдения.

Милая, не гони, умоляю! Не попади в аварию, когда наша жизнь лишь начинается! Когда в тебе зреет новая жизнь.

Он увидел, как вспыхнули тормозные огни «Ауди» у следующего светофора, наконец догнал ее и дальше поехал следом.

Клио отыскала парковку неподалеку от своего дома. Грейс тоже вышел из машины, догнал ее у ворот бывшего склада, перестроенного под квартиры, где она жила, обнял за плечи, когда она нажимала кнопки домофона, сунул руку под длинный плащ, нащупал ладонью живот и сказал:

– Потрясающе.

Клио бросила на него испытующий взгляд:

– Действительно не возражаешь?

– Всей душой и сердцем за. Не только не возражаю, а невероятно счастлив. Не знаю даже, что сказать. Самое что ни на есть немыслимое событие. По-моему, ты будешь потрясающей матерью. Изумительной.

– По-моему, ты будешь потрясающим отцом.

Они поцеловались. Он вновь огляделся – было уже поздно и холодно.

– Единственное замечание.

– Какое?

– Насчет сумасшедшей езды.

– Хорошее замечание со стороны мужчины, свалившегося в машине с Бичи-Хэд, – фыркнула она.

– Ну ладно, я серьезно. Ты ехала на восьмидесяти при ограничении в сорок, вдобавок проскочила на красный свет вообще неизвестно зачем.

– Ну и что? Арестуешь меня?

– Какая же ты порой бываешь мерзавка, – усмехнулся он.

– А ты порой настоящий подонок.

– Люблю тебя.

– Правда, Грейс?

– Люблю и обожаю.

– Сильно?

Он прижал ее к себе и шепнул на ухо:

– Зайдем в дом, разденешься – увидишь.

– Самое заманчивое предложение за весь вечер, – шепнула она в ответ, набрала код, ворота открылись.

Они прошли к подъезду по вымощенному двору. Клио отперла дверь, вошла в дом. Вокруг царил разгром. Пролетел черный смерч, взмыл в воздухе, врезался ей в живот, чуть не сбив с ног.

– Лежать! – закричала она. – Лежать, Хамфри!

Грейс не успел приготовиться – собачья голова ударила в пах. Он завертелся, попятился.

– Хамфри! – прикрикнула Клио на щенка, помесь лабрадора и бордер-колли.

Пес метнулся в разгромленную гостиную, вернулся, держа в зубах клубок розовой веревки.

Рой, отдышавшись, оглядел безупречную прежде комнату. На полу перевернутые горшки с цветами, с двух красных диванов сброшены разодранные подушки, полированный дубовый пол усыпан пенопластом и перьями, свечи наполовину съедены, кругом обрывки газет и номер «Сассекс лайф» без первой страницы.

– Плохой, дурной мальчик, – выговаривала псу Клио.

Тот вилял хвостом.

– Я тобой недовольна. Сержусь на тебя. Понимаешь?

По-прежнему виляя хвостом, Хамфри снова на нее прыгнул. Она обхватила руками собачью морду, упав на колени, крикнула:

– Плохой!

Не сдержавшись, Грейс рассмеялся.

– Черт побери, – тряхнула головой Клио. – Безобразия!

Пес вывернулся, вновь налетел на Грейса, который на сей раз приготовился, схватил его за лапы.

– И я тоже тобой недоволен, – объявил он.

Хамфри, дьявольски собой довольный, вильнул хвостом.

– Черт, – повторила Клио. – Потом приберем. Хочешь виски?

– Хорошее предложение, – кивнул Рой, отталкивая щенка, который рвалсялизать его насмерть.

Клио вытащила пса за шкуру на задний двор и захлопнула дверь. Они пошли на кухню, оборудованную по последнему слову техники. Хамфри завыл на заднем дворе.

– Собаки должны гулять два часа в день, – сообщила Клио. – Но только когда им исполнится год. Иначе можно повредить суставы, особенно тазобедренный.

– А иначе можно повредить мебель.

– Очень смешно. – Она погремела у холодильника ледяными кубиками в двух высоких стаканах, налила в один виски «Гленфиддиш», в другой тоник. – Думаю, мне больше пить не стоит. Подвиг, правда?

Грейсу страшно хотелось курить, он машинально пошарил в карманах и в который раз вспомнил, что сознательно не носит с собой сигареты.

– По-моему, малыш не будет возражать, если мы по глотку примем. Пусть сразу привыкает.

Клио протянула стакан.

– Будь здоров, лопоухий!

– Твое здоровье, длинноногая, – провозгласил Грейс, взмахнув стаканом.

– До дна, парень! – закончила она тост.

Они выпили, глядя друг на друга. Снаружи доносился нескончаемый вой Хамфри. Кто там, мальчик или девочка? Грейс об этом еще не подумал. Кто бы ни был, он будет обожать ребенка. Разумеется, Клио станет замечательной матерью, но получится ли из него хороший отец? Она осматривала разоренную гостиную, он следил за ее взглядом.

– Хочешь, помогу убрать?

– Нет, – сказала она, наградив его долгим чувственным поцелуем в губы. – Мне жутко хочется оргазма. Можешь обеспечить?

– Я? С закрытыми глазами.

– Сукин сын.

23

Влад Космеску жевал жвачку, не сводя глаз с шарика из слоновой кости, прыгавшего в рулетке. Сначала он без конца дребезжал, с замедлением колеса застучал и внезапно умолк, остановившись в ячейке.

Двадцать четыре. Черное.

Поправив на переносице темные очки фирмы «Авиатор», он с удовлетворенной улыбкой смотрел на свою стопку пятифунтовых фишек, стоявшую на линии между двадцать третьим и двадцать четвертым номером. Крупье сгреб проигравшие фишки с других номеров, в том числе его собственные. Космеску поддернул рукав, посмотрел на часы, которые показывали десять минут первого. Пока дело идет плоховато – проиграл тысячу восемьсот, почти дойдя до установленного на сегодня предела. Впрочем, может быть, после этого выигрыша – второго подряд – к нему повернется удача.

Он добавил половину выигранных фишек к оставшимся и выложил на стол следом за рискующей китайкой и еще несколькими недавно прибывшими игроками. Почти все номера покрыты, колесо закрутилось, крупье крикнул:

– Ставки сделаны!

Космеску придерживался определенного правила. Делал безопасные ставки на номера, расположенные на трети колеса напротив zero. Тут много не выиграешь, но много и не проиграешь. Такая стратегия позволяет часами стоять у стола, совершенствуя систему, которая старательно разрабатывается годами. Он очень терпеливый. Всегда все планирует с исключительной тщательностью.

Система основана на сочетании математики и вероятности. На европейской рулетке тридцать семь номеров, включая zero. Но известно, что шанс выпадения всех этих тридцати семи номеров при последовательном запуске колеса тридцать семь раз составляет один к миллиону. Одни выпадают за несколько пусков два, три, даже четыре раза, а иногда и чаще, другие вообще не выигрывают. Поэтому он ставит только на уже выпавшие числа и комбинации, которые наверняка выпадут еще раз.

Снова глядя на номер двадцать шесть, он дважды нажал большим пальцем ноги устройство в правом ботинке и шесть раз в левом. Дома перебросит данные с чипа, который лежит в кармане, в компьютер.

Система далеко еще не идеальна, он часто проигрывает, хотя в целом потери становятся меньше и реже.

Прорыв наверняка близок. Можно будет сколотить состояние. Больше не придется служить наемным лакеем. Впрочем, даже если ничего не получится, игра дает возможность приятно проводить время, которого у него полно. Слишком много.

Ему нравится одинокая жизнь в этом городе. Он работает дома, в огромной постройке из стекла и стали, живет сам по себе, сознательно держась в стороне от других. Ждет распоряжений хозяина, выполняет, сливает по инструкции в казино часть наличных. Хорошее дело. Шеф нуждается в человеке, которому можно верить, в крутом парне, годном для дела, который в то же время его не ограбит. Вдобавок они говорят на одном языке.

Фактически на двух – на румынском и на языке денег.

Кроме денег, у Влада Космеску мало интересов. Книг и журналов он не читает, порой смотрит кино по телевизору, любит экшен и саспенс, эпопею «Перевозчик», где Джейсон Стейтем играет такого же одиночку. Время от времени просматривает порнофильмы вместе с какой-нибудь девушкой. Дважды в неделю занимается гимнастикой по полной программе. А все прочее скучно, даже еда. Еда – просто горячее, поэтому он ест по мере необходимости, только чтобы наестся, не больше. Вкусом не интересуется, не понимает одержимой страсти британцев к кулинарным телевизионным шоу.

Казино любит ради денег. Здесь их видишь, дышишь ими, чувствуешь запах, трогаешь, даже слышишь в воздухе вкус гораздо изысканнее и пикантнее, чем у любой еды. Деньги дают свободу и силу. Возможность сделать что-нибудь со своей жизнью и с жизнью своих родных.

Деньги позволили перевезти больную сестру Ленуту из дома призрения в государственную больницу в деревушке Платарешти в двадцати пяти милях к северо-востоку от Бухареста, потом в прекрасный дом в горах над Монтрё в Швейцарии, откуда открывается вид на Женевское озеро.

Когда он ее впервые увидел десять лет назад после долгих поисков, выложив большие деньги на взятки, она считалась неизлечимой. Одиннадцатилетняя девочка лежала на рваной пеленке на старой зарешеченной койке, питалась только дроблеными зернами, залитыми молоком. Скелетик с раздутым от голода животом напоминал жертву из концентрационного лагеря.

В комнате с огушительной вонью поноса и рвоты стояли впритык друг к другу тридцать коек, как клетки для лабораторных животных. Были дети покрупнее, некоторым лет по пятна-

дцать и больше, но все равно отсталые и увечные в том или ином отношении, с такими же бутылками молока с дробленным зерном. Досасывали жидкую пищу, просовывали руки сквозь прутья, забирали бутылки у младших и слабых. Единственная неквалифицированная, ни на что не способная нянька не обращала на них внимания, сидя в своей загородке.

Шарик снова задрезжал в металлических ячейках, и тут же у Космеску завибрировал мобильный телефон с выключенным звонком. Он вытащил его из кармана, одновременно видя выпавший номер – семнадцать. Черт! Номер несчастливый, полный проигрыш. Он чуть-чуть отошел от стола, посмотрел на дисплей. Пришел текст от шефа.

Надо немедленно поговорить.

Космеску выскользнул из казино, прошел через автомобильную стоянку к пивной «Везерспун», где имелся в вестибюле телефон-автомат, и переслал по мобильнику его номер шефу. Через минуту раздался звонок. В шумном пабе пришлось крепко прижать трубку к уху.

– Слушаю, – сказал он.

– Ты напортил, – объявил голос на другом конце. – Крупно.

Поговорив несколько минут, Космеску вернулся к своему столу в казино, но уже не смог сосредоточиться. Проигрыши росли, превысили лимит, достигли двух тысяч трехсот, двух тысяч пятисот фунтов. Вместо того чтобы кончить игру, он лишь злился. Злился и делал глупости.

В двадцать минут четвертого утра, решившись наконец уйти, потерял больше пяти тысяч. Никогда так много не проигрывал за одну ночь.

Тем не менее по обычаю дал гардеробщице и служителю на стоянке и мойке по новенькой хрустящей десятифунтовой бумажке.

24

Рой Грейс в спортивном костюме, бейсболке, кроссовках вышел из парадного Клио около половины шестого утра. В свете уличных фонарей в предрассветных сумерках туман казался янтарным, холодный ветер бросал в лицо соленую морось.

Прошагав по двору, вышел в ворота, по полицейской привычке оглядел улицу вверх и вниз, выискивая что-нибудь подозрительное. Прослужив несколько лет, начинаешь автоматически постоянно фиксировать окружающее – на улице, в магазине, в ресторане. Грейс шутливо назвал эту привычку культурой здоровой подозрительности, и она ему не раз сослужила хорошую службу.

В это утро, в четверг в конце ноября, больше прежнего испытывая необходимость заботиться о Клио, он не увидел на пустых брайтонских улицах ничего внушающего тревогу. Игнорируя боль в спине и ребрах после падения в машине с обрыва Бичи-Хэд, бежал по засыпанному гравием узким пешеходным дорожкам Кенсингтон-Гарденс, мимо кафе и бутиков.

Добежав до пустой Норт-стрит, увидел свет фар, услышал рев мощного двигателя. Через пару-тройку секунд мимо промчался спортивный черный «Мерседес». Водителя едва видно за тонированными стеклами, можно распознать лишь худого и скорее высокого мужчину. Интересно, что он тут делает в такой час? Возвращается с вечеринки? Торопится на паромную переправу или в аэропорт? Нечасто увидишь в столь раннее утро дорогую машину. В основном выезжают дешевые автомобили, рабочие фургоны. Конечно, присутствие на дороге «Мерседеса» наверняка объясняется вполне резонными причинами, но Грейс все же запомнил номер: GX 57 SKL.

Он пересек дорогу, пробежал по узким улочкам и переулкам, добрался в конце концов до приморского бульвара. Постоял, вдыхая прибрежные запахи соли, мазута, гниющей рыбы, лодочной смолы, размокшего дерева, слушая плеск и гул моря. В лицо летели холодные брызги.

Это одно из самых любимых мест в городе, особенно сейчас, ранним утром, когда кругом пусто. Грейс пристрастился к морю, как к наркотику. Обожает его звуки, ароматы, краски, изменчивое настроение, а больше всего скрытые в нем тайны, секреты, которые оно порой выдает, как вчерашнее тело. Невозможно представить себе жизнь вдали от моря.

Дворцовый пирс – одна из крупнейших вех Брайтона и Хоува – еще освещен. Несколько лет назад новые владельцы переименовали его в Брайтонский пирс, но для Роя и тысяч других жителей города он навсегда останется Дворцовым. Десятки тысяч лампочек горят во всю длину, обрамляют надстройки, придавая гигантской беспорядочной структуре сходство с маяком, вздымающимся к небу. Интересно, скоро ли пирс обяжут выключать огни на ночь ради экономии электроэнергии?

Грейс повернул направо, нырнул в тень под темными массивными балками, где почти двадцать лет назад они с Сэнди впервые поцеловались. Может, его ребенок тоже будет здесь целоваться. Прodelав еще полмили, повернул назад к дому Клио. Пробежка сегодня короткая, минут на двадцать, но все равно освежает, наполняет энергией.

Клио и Хамфри еще спят. Рой быстро принял душ, разогрел в микроволновке оставленную Клио овсянку, проглотил, пролистывая страницы вчерашнего «Аргуса», и направился в офис, где поставил машину без четверти семь на своем месте перед Сассекс-Хаус, штаб-квартирой уголовной полиции.

Если никто не помешает, остается целых полтора часа на просмотр электронной почты, поступившей за ночь, и самых срочных бумаг, прежде чем идти в морг на вскрытие «неизвестного мужчины», как пока обозначили тело, вытасченное вчера драгой. Через пару минут открылась дверь и прозвучал слишком знакомый голос:

– Эй, старичок! Рано пришел или поздно уходишь?

– Очень смешно, – буркнул Грейс, подняв глаза на друга, а отныне и постоянного квартиранта Гленна Брэнсона. Выглядит как обычно – костюм, туфли, будто в гости собрался. Высокий, чернокожий, с выбритой до блеска головой, похожей на бильярдный шар, одевается модно, со вкусом. Сегодня в сверкающем сером костюме-тройке с рубашкой в серо-белую полоску и алым шелковым галстуком, на ногах черные начищенные туфли, в руках кружка с кофе.

– Говорят, ты болтал вчера вечером с новым главным констеблем, – продолжал Брэнсон. – Или, лучше сказать, подлизывался?

Грейс улыбнулся.

– Да, мы с ним побеседовали, причем ты его очень сильно тревожишь.

– Я? – забеспокоился Гленн. – Почему? Что он тебе сказал?

– Говорит, любитель такой музыки, как правило, дерьмовый полицейский.

Сержант на секунду нахмурился, потом ткнул в друга пальцем:

– Вот гад! Хочешь меня завести?

Грейс усмехнулся:

– Ну, что новенького? Когда я получу обратно свой дом?

У Гленна вытянулась физиономия.

– Как? Ты меня выгоняешь?

– Кофе до смерти хочется. Можешь готовить мне кофе вместо платы за следующий месяц. Идет?

– Договорились. Отдал бы эту кружку, да она с сахаром.

Грейс неодобрительно сморщился:

– Погубишь себя этой отравой.

– Чем скорее, тем лучше, – мрачно кивнул Брэнсон и испарился.

Через пять минут он снова сидел в кресле перед столом суперинтенданта с кружкой кофе.

Грейс подозрительно посмотрел в свою кружку:

– Сахар сыпал?

– Черт побери! Другую налью.

– Ладно, не надо. Не буду размешивать. – Он внимательно всмотрелся в сержанта, который выглядел ужасно. – Не забываешь Марлона кормить?

– Угу, – задумчиво кивнул Гленн. – Мы с ним прочно связаны. Родственные души.

– Правда? Только слишком близко не подходи.

Марлоном зовут золотую рыбку, которую Грейс выиграл на ярмарке девять лет назад. С тех пор Марлон по-прежнему остается крепким угрюмым антиобщественным существом, съедающим любого купленного для него компаньона.

– Что происходит в семействе Брэнсон?

Несколько месяцев назад в попытке спасти семейную жизнь Гленн на компенсацию, выплаченную за ранение, купил своей жене Эри дорогую лошадь для вечерних прогулок, что привело только к краткому перемирию в бесконечной смертельной вражде.

– Требуются еще лошади?

– Вчера вечером я ходил повидаться с детьми. Она мне велела ждать письма от адвоката. – Брэнсон пожал плечами.

– От поверенного по бракоразводным делам?

Он уныло кивнул:

– Выпьем вечером, поболтаем?

При всей любви к Брэнсону Грейс без всякого энтузиазма буркнул:

– Конечно...

Разговоры о его семейной жизни катятся по бесконечному кругу. Истина в том, что жена его больше не только не любит, но и *не выносит*. В душе Рой причисляет ее к типу женщин, которых никогда не удовлетворяют взаимные отношения, но, когда он пытается объяснить это другу, тот воинственно огрызается, как будто до сих пор еще верит в возможность уладить проблемы, пусть даже ненадолго.

– Скажи лучше, приятель, – спросил Грейс, – ты утром сильно занят?

– Есть дела, хотя пару часов подождут. А что?

– Драга вчера тело вытащила. Я назначил ответственной инспектора Мантл, а у нее сегодня и завтра занятия в полицейском колледже. Может, придешь на вскрытие?

Брэнсон в насмешливом изумлении вытаращил глаза, покачал головой:

– Ну, старик, ты умеешь поднять настроение огорченному человеку! Хочешь меня позабавить вскрытием «поплавка» сырым ноябрьским утром? Минута радости гарантирована.

– Возможно, полезно увидеть кого-то, кому еще хуже.

– Большое спасибо.

– Вскрытие, кстати, проводит Надюшка.

Кроме высокого профессионального мастерства и заразной веселости, Надюшка Де Санча в свои сорок восемь лет потрясающе смотрится. Статная, рыжеволосая, с русской аристократической кровью, она выглядит на добрый десяток лет моложе, обожает флиртовать, несмотря на счастливый брак с известным пластическим хирургом, отличается прекрасным чувством юмора. Грейс не знает ни одного офицера в полиции Сассекса, которому она бы не нравилась.

– А! – внезапно оживился Брэнсон. – Так бы сразу и сказал.

– В таком кислом настроении сам решай.

– Ты босс. Как приказываешь, так и делаю.

– Правда? Что-то не замечал.

Сержант Таня Уайтлок дрожала на сквозняке. Из окна возле ее стола нещадно дуло. Правая щека заледенела. Она хлебнула горячего кофе, глянула на часы: десять минут двенадцатого. Почти полдня прошло, а на столе по-прежнему высится стопка рапортов и бланков, которые надо заполнить. Снаружи с серого неба нескончаемо сыплется морось.

За травянистой тропинкой видна автостоянка старейшего в мире гражданского Шорэмского аэропорта, построенного в 1910 году на западной окраине Брайтона и Хоува, которым нынче пользуются главным образом частные самолеты и летные школы. Несколько лет назад рядом раскинулась промышленная зона, где в одном из перестроенных складов располагается специальная поисковая бригада Сассекской полиции.

У маленькой худенькой двадцатидевятилетней Тани симпатичное живое лицо, длинные темные волосы. На ней овчинная синяя теплая куртка поверх форменной рубашки, широкие голубые штаны, рабочие ботинки. При виде изящной хрупкой девушки никому и в голову не придет, что пять лет до перевода сюда она провела в службе содействия полиции, которая работает на передовой, производит рейды и аресты, пресекает массовые беспорядки, занимается различными насильственными правонарушениями.

В специальной поисковой бригаде девять офицеров. Стив Харгрейв до прихода в полицию был профессиональным глубоководным ныряльщиком. Другие прошли подготовку в полицейской школе дайвинга в Ньюкасле. Среди них бывший моряк, бывший дорожный инспектор, ставший среди коллег легендой. Однажды он предъявил обвинение собственному отцу, не пристегнувшемуся ремнем безопасности. Таня – единственная женщина в бригаде, более того, она возглавляет ее, исполняя, по чьим-то словам, тяжелейшие обязанности во всей Сассекской полиции.

Члены бригады отыскивают и извлекают трупы, исследуют криминалистические свидетельства в местах, которые для простых полицейских недоступны или слишком опасны. Чаще всего их выуживают из колодцев, каналов, озер, рек и моря, прочих водоемов – всего даже не перечить. В прошлом году успешно или неудачно – с какой стороны посмотреть – собрали сорок семь отдельных фрагментов тел после ужасной автомобильной аварии, в которой погибли шесть человек, и искореженные останки четырех жертв крушения легкого самолета. За окном на стоянке виден частично загороженный самолетами полицейский трейлер с мешками для трупов, которых должно хватить на случай крупной авиакатастрофы.

Чувство юмора помогает членам бригады сохранить рассудок. У каждого имеется прозвище. Таню прозвали Смурфом⁸, поскольку она маленькая и под водой синее. С каждым коллегой ее связывает любовь и взаимное уважение.

В рабочем помещении хранится глубоководное оборудование, включая огромный надувной плот, на котором помещается вся бригада, сушилку и грузовик, где находится все необходимое для работы, от альпинистского снаряжения до бурильного аппарата. Бригада пребывает в постоянной готовности двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю.

Зимой здесь вечный холод, поэтому Таня в овчинной куртке. Несмотря на астматическое сипение обогревателя, пальцы замерзли так, что с трудом держат ручку. Наверняка на дне Ламанша теплее.

Заполняя бланки, она рассеянно ответила на телефонный звонок:

– Сержант Уайтлок слушает.

И тут же сосредоточилась. Звонит суперинтендант Рой Грейс из уголовного розыска. Вряд ли хочет поболтать о погоде.

⁸ Смурфы, смурфики – синие гномики в белых колпачках, герои популярных комиксов и мультфильмов.

- Привет, – сказал он. – Как дела?
- Отлично, – ответила Таня без особого энтузиазма.
- Говорят, собираетесь замуж?
- Будущим летом, – подтвердила она.
- Повезло какому-то счастливчику!
- Спасибо. Надеюсь, ему это кто-нибудь растолкует. Чем могу помочь?
- Я сейчас в брайтонском морге. Патологоанатом министерства внутренних дел проводит вскрытие тела, которое подняла вчера драга «Арко Ди» милях в десяти к югу от Шорэмской гавани.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.